

отрочество

отрочество

ЛИЦОМ К ПОБЕДЕ

ЛИЦОМ К ПОБЕДЕ

*Сборник
стихотворений*

«СОВРЕМЕННОК»
МОСКВА
1985

ДОРОГИЕ ЮНЫЕ ДРУЗЬЯ!

Когда я составлял этот поэтический сборник, посвященный 40-летию Победы, мне вспоминались стихи, которые сопровождали меня всю войну, помогали мне жить, переносить трудности, верить в нашу окончательную Победу.

1941 год. Я, московский школьник — ваш ровесник, как участник противовоздушной обороны Москвы, сидел на чердаке нашего дома вместе с девочкой из соседней квартиры, тоже ученицей московской школы, возле ящиков с песком, держа наготове длинные щипцы, чтобы в случае попадания зажигательной бомбы схватить ее и сунуть в песок.

Враги были уже рядом с Москвой, и тревоги объявлялись в ночь по нескольку раз.

Над нами прерывисто гудели немецкие бомбардировщики, и слышался грохот зениток. А мы читали стихи:

По дорогам гремят тачанки,
Эскадроны проходят вскачь,
Приготовились к бою танки
Возле стен подмосковных дач.

Стук подков на морозе четче.
В пар укутан блиндажный лаз.
У околицы пулеметчик
С темной рощи не сводит глаз.

Будто руки окаменели,
Будто вкопан он в грунт, во рву...
Этот парень в серой шинели
Не пропустит врага в Москву.

Мы тоже чувствовали себя защитниками Москвы, солдатами Родины. И стихи эти как бы относились и к нам.

Вспомнилось мне и то, как на разбитых фронтовых смоленских дорогах переписывали мы стихи К. Симонова «Жди меня, и я вернусь», как пели мы на привалах песню А. Сур-

кова «Бьется в тесной печурке огонь», а в железном солдатском строю — великую песню В. Лебедева-Кумача «Священная война», песню, которая сопровождала и вдохновляла нашу армию все четыре военных года.

А еще любимы были «На солнечной поляночке» А. Фатьянова, «Вася-Василек» С. Алымова, песни, несмотря на суровый солдатский быт зажигающие своим весельем и удастью.

Все лучшее, созданное на войне и непосредственно после нее, я постарался включить в первый раздел этой книги — «Священная война».

Но события Великой Отечественной войны, Победа оставили в душе нашего народа такой след, который все сорок лет не стирается.

И вот за перо взялись многие непосредственные участники войны, непрофессионалы. Среди которых были и пулеметчики, и летчики, и партизаны, и разведчики, и минометчики. Один из них, А. Головков, ушедший на войну в шестнадцать лет, написал:

Легла на плечи мне война
Стволом от миномета.

Эти стихи — живое свидетельство отваги и боевого духа наших солдат, как точно написал участник войны М. Тимошечкин:

Взращенные, подобно злакам,
Средь избяных крестьянских стен,
Они еще идут в атаку,
Чтоб никогда не сдаться в плен.

Их я поместил в особом разделе «Поэзия моя, ты — из окопа».

Детство поколения родившихся перед войной прошло в суровых условиях. Многим пришлось пережить блокаду, оккупацию, испытать голод, холод, гибель близких. Но они стали и свидетелями решительного наступления наших армий, свидетелями салюта Победы. Стихам посвящен раздел «Мы — очевидцы».

Заключает книгу раздел «В пятидесятых рождены», в котором собраны стихи поэтов послевоенного поколения, родившихся после войны, знающих ее лишь по фильмам, книгам и рассказам старших. Но благодарная память живет и в этом поколении, а значит, и в его поэзии.

Николай Старшинов

АЛЕКСЕЙ НЕДОГОНОВ

22 ИЮНЯ 1941 ГОДА

*Роса еще дремала на лафете,
когда под громом дрогнул Измаил:
трубач полка —
у штаба —
на рассвете
в холодный горн тревогу затрубил.*

*Набата звук,
кинжальный, резкий, плотный,
летел к Одессе,
за Троянов Вал,
как будто он не гарнизон пехотный,
а всю Россию к бою поднимал!*

**АЛЕКСАНДР
ТВАРДОВСКИЙ**

* * *

*Война — жестооче нету слова.
Война — печальней нету слова.
Война — святее нету слова
В тоске и славе этих лет.
И на устах у нас много
Еще не может быть и нет...*

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

**НАДПИСИ
НА СТЕНАХ РЕЙХСТАГА**

Май, 1945 год

*Еще горячкой боя сердце билось,
А в мир уже вступала тишина,
Как будто время здесь остановилось,
Не веря вдруг, что кончилась война.*

*Под арками обугленного свода,
В какой-то перевозданной тишине,
Солдаты величайшего похода
Расписывались прямо на стене.*

*Рейхстагова развалина дышала
Всем перегаром битвы мировой,*

МАРГАРИТА АГАШИНА

СТИХИ
О МОЕМ СОЛДАТЕ

Когда, чеканный шаг ровняя,
идут солдаты на парад,
я замираю —
вспоминаю,
что был на свете мой солдат.

...Война. И враг под Сталинградом.
И нету писем от отца.
А я стою себе с солдатом
у заснеженного крыльца.

Ни о любви, ни о разлуке
не говорю я ничего.
И только молча грею руки
в трехпалых варежках его.

Потом прощаюсь целый вечер
и возвращаюсь к дому вновь.
И первый снег летит навстречу,
совсем как первая любовь.

Какой он был? Он был веселый.
В последний год перед войной
он только-только кончил школу
и только встретился со мной.

Он был веселый, темно-русый,
над чубом — красная звезда.

Он в бой пошел под Старой Руссой
и не вернется никогда.

Но все равно — по переулкам
и возле дома моего
идут солдаты шагом гулким,
и все похожи на него!

Идут, поют, равняют плечи.
Ушанки сдвинуты на бровь.
И первый снег летит навстречу.
И чья-то первая любовь...

МАРГАРИТА АЛИГЕР

* * *

С пульей в сердце я живу на свете.
Мне еще не скоро умереть.
Снег идет.
Светло.
Играют дети.
Можно плакать,
можно песни петь.

Только петь и плакать я не буду.
В городе живем мы, не в лесу.
Ничего, как есть, не позабуду.
Все, что знаю, в сердце пронесу.

Спрашивает снежная, сквозная,
светлая казанская зима:
— Как ты будешь жить?
— Сама не знаю.
— Выживешь?
— Не знаю и сама.

— Как же ты не умерла от пули?
 — От конца уже невядалеке,
 я осталась жить
 не потому ли,
 что в далеком камском городке,
 там, где полночи светлы от снега,
 где лихой мороз берет свое,
 начинает говорить и бегать
 счастье и бессмертие мое.

Как же ты не умерла от пули,
 выдержала огненный свинец?
 — Я осталась жить
 не потому ли,
 что, когда увидела конец,
 чистыми, горячими словами
 сердце мне успело подсказать,
 что смогу когда-нибудь стихами
 о таком страданье написать.

Как же ты не умерла от пули?
 Как тебя удар не подкосил?
 — Я осталась жить
 не потому ли,
 что, когда совсем не стало сил,
 увидала
 с дальних полустанков,
 из забитых снегом тупиков:
 за горами
 движущихся танков,
 за лесами
 вскинутых штыков —
 занялся,
 забрезжил
 день Победы,
 землю осенил своим крылом.
 Сквозь свои
 и сквозь чужие беды
 в этот день пошла я напролом.

СЕРГЕЙ АЛЫМОВ

ВАСЯ-ВАСИЛЕК

— Что ты, Вася, приуныл,
 Голову повесил,
 Ясны очи замутил,
 Хмуришься, невесел?
 С прибауткой-шуткой в бой
 Хаживал, дружочек,
 Что случилось вдруг с тобой,
 Вася-Василечек?

Не к лицу бойцу кручина,
 Места горю не давай,
 Если даже есть причина —
 Никогда не унывай.

— Бить врага — вопрос другой —
 С шуткой веселее,
 Нет письма от дорогой —
 Думушки темнее.
 Письмеца недель пяток
 Почта не приносит,
 Понимаешь ли, браток,
 Сердце ласки просит...

Не к лицу бойцу кручина,
 Места горю не давай,
 Если даже есть причина —
 Никогда не унывай.

— Что ж ты, Вася, друг большой,
 Зря себя так мучишь?
 Если любит всей душой,
 Весточку получишь,
 Не захочет написать —
 Значит, позабыла,
 Значит, — надо понимать —
 Вовсе не любила.

Не к лицу бойцу кручина,
 Места горю не давай,
 Если даже есть причина —
 Никогда не унывай.

Прижимай к плечу плечо —
Дружба остается.
Если сердце горячо —
Девушка найдется,
Нынче больно — не тужи,
Завтра твой денечек,
Выше голову держи,
Вася-Василечек!

Не к лицу бойцу кручина,
Места горю не давай,
Если даже есть причина —
Никогда не унывай!

ПАВЕЛ АНТОКОЛЬСКИЙ

В СТРАШНЫЙ ЧАС

В страшный час мировой этой ночи,
В страшный час беспощадной войны
Только зоркие, чистые очи
Называться глазами должны.

Они видят от края до края
Небо в звездах и землю в дыму.
И, опять и опять не сгорая,
Не туманятся, смотрят во тьму.

Это, может быть, стойкий зенитчик
В предрассветные тучи впился,
Партизанка последней из спичек
Жжет стога и уходит в леса;

Или мать перечла не впервые
Дорогую от первенца весть,
Ясно видит снега фронтовые,
Глаз не может от строчек отвести.

Да. Война — это школа страданья.
Это молодость сына в крови.
Не являйся к ней
с маленькой данью,
Только с жизнью — и ту разорви.

И тогда-то, в тоске об ушедшем,
Чашу горькую выпив до дна,
Когда, кажется, жить уже нечем,
Ты поймешь, что такое война.

И тогда-то, по смутному следу,
Не глазами, а трепетом век
Ты сквозь слезы увидишь победу,
Зоркий, чистый, живой человек.

АННА АХМАТОВА

КЛЯТВА

И та, что сегодня прощается
с милым, —
Пусть боль свою в силу
она переплавит.
Мы детям клянемся,
клянемся могилам,
Что нас покориться
никто на заставит!

МУЖЕСТВО

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил
на наших часах.

Мечом священным яростно рубя,
 Весь, весь напор безумной вражьей
 силы
 Я принимал
 три года
 на себя.

Спасли весь мир знамена русской
 славы!
 На запад пяля мертвые белки,
 Успели сгнуть от Волги до Варшавы
 Фашистских армий лучшие полки.

Ряды врагов редели на Ла-Манше,
 От стен Парижа снятые войска
 Пришли сюда
 сменить убитых раньше,
 Чтоб пасть самим от русского
 штыка.

Тех, кто ушел,
 никем не заменили,
 А тех, кто пал,
 ничем не воскресишь!
 Так, не пройдя по Франции ни мили,
 Я проложил
 дорогу на Париж.

Я отворял парижские заставы
 В боях за Днепр, за Яссы, Измаил.
 Я в Монпарнас
 вторгался у Митавы.
 Я в Пантеон
 из Жешува входил.

Я шел вперед сквозь битвы грохот
 адов,
 И мой удар во фронт фашистских
 орд,
 Мой грозный шаг
 и гул моих снарядов
 Преображали Пляс де ля Конкорд!

И тем я горд,
 что в годы грозовые
 Мы золотую Францию спасли,
 Что брал Париж любой солдат
 России,
 Как честный рыцарь счастья всей
 земли.

Во все века грядущей светлой
 жизни,
 Когда об этих днях заговоришь,
 Могу сказать я
 миру и Отчизне:
 — Я брал Париж!

ОЛЬГА БЕРГГОЛЬЦ

* * *

...Я говорю с тобой под свист
 снарядов,
 угрюмым заревом озарена.
 Я говорю с тобой из Ленинграда,
 страна моя, печальная страна...

Кронштадтский злой,
 неукротимый ветер
 в мое лицо закинутое бьет.
 В бомбоубежищах уснули дети,
 ночная стража встала у ворот.

Над Ленинградом — смертная
 угроза...
 Бессонны ночи, тяжек день любой.
 Но мы забыли, что такое слезы,
 что называлось страхом и мольбой.

Я говорю: нас, граждан
 Ленинграда,
 не поколеблет грохот канонад,
 и если завтра будут баррикады,—
 мы не покинем наших баррикад.

И женщины с бойцами встанут
 рядом,
 и дети нам патроны поднесут,

и надо всеми нами зацветут
старинные знамена Петрограда.

Руками сжав обугленное сердце,
такое обещание даю
я, горожанка, мать красноармейца,
погибшего под Стрельною в бою.

Мы будем драться с беззаветной
силой,
мы одолеем бешеных зверей,
мы победим, клянусь тебе, Россия,
от имени российских матерей.

НИКОЛАЙ БУКИН

**ПРОЩАЙТЕ,
СКАЛИСТЫЕ ГОРЫ**

Прощайте, скалистые горы,
На подвиг Отчизна зовет.
Мы вышли в открытое море,
В суровый и дальний поход.
А волны и стонут, и плачут,
И плещут на борт корабля.
Растаял в далеком тумане
Рыбачий —
Родимая наша земля.

Корабль мой упрямо качает
Крутая морская волна,
Поднимет и снова бросает
В кипящую бездну она.
Обратно вернусь я не скоро,
Но хватит для битвы огня,

Я знаю, друзья, что не жить мне
без моря,
Как море мертво без меня.

Нелегкой походкой матросской
Иду я навстречу врагам,
А после с победой героической
К скалистым вернусь берегам.
Хоть волны и стонут, и плачут,
И плещут на борт корабля,
Но радостно встретит героев
Рыбачий —
Родимая наша земля.

**КОНСТАНТИН
ВАНШЕНКИН**

БУДАПЕШТ ВЗЯТ!

Земли, камней, железа груды,
Бессильно сникли провода,
И у руин притихшей Буды
Ворчит дунайская вода.

Мосты упали на колени
И воду из Дуная пьют...
Всю ночь идут соединенья,
И каблуки всю ночь куют.

И вдоль осколками избитых
Колонн монаршего дворца,
Ночную свежестью умыты,
Войска проходят без конца.

Я эту ночь не позабуду.
Вошли мне в память навсегда
Вся тишь ошеломленной Буды,
Дворец и темная вода.

АЛЕША

Белеет ли в поле пороша
Иль гулкие ливни шумят,
Стоит над горою Алеша,
В Болгарии русский солдат.

И сердцу по-прежнему горько,
Что после свинцовой пурги
Из камня его гимнастерка,
Из камня его сапоги.

Немало под страшною ношей
Легло безмянных парней,
Но то, что вот этот — Алеша,
Известно Болгарии всей.

К долинам, покоем объятым,
Ему не сойти с высоты.
Цветов он не дарит девочкам,—
Они ему дарят цветы.

Привычен, как солнце и ветер,
Как в небе вечернем звезда,—
Как будто над городом этим
Вот так и стоял он всегда.

Белеет ли в поле пороша
Иль гулкие ливни шумят,
Стоит над горою Алеша,
В Болгарии русский солдат.

СЕРГЕЙ ВИКУЛОВ

БАЛЛАДА О ХЛЕБЕ

Я помню: мы вышли из боя
в разгар невеселой поры,
когда, переспевшие, стоя,
ломались хлеба от жары.

Ни облака в небе, ни тучи...
Не чая попасть на гумно,
слезой из-под брови колючей
стекало на землю зерно.

Солома сгибала колени,
как странник, уставший в пути...
В Ивановке — местном селенье —
Иванов — шаром покати!

Авдотьи кругом да Орины,
короче — солдатки одни.
И видим: еще половины
хлебов не убрали они.

Уставшие —
шли не с парада,—
не спавшие целую ночь,
мы все же решили, что надо
хоть чуточку бабам помочь.

И тут же, по форме солдаты,
душой же все те ж мужики,
мы сбросили пыльные скатки,
составили в козла штыки.

И в рост — во весь рост!—
не сражаться
пошли,— нетерпеньем горя,
пошли со снопами брататься,
в объятья их по три беря.

НИКОЛАЙ ГРИБАЧЕВ

ПРАГА

В сады Градчан, за Карлов мост
Несет фонарь луна,
В реке меж поплавками звезд
Не протолкнута челна.

На Старой площади Ян Гус,
Окончив давний спор,
Твердит Писанья наизусть
И всходит на костер.

И, кайзера к чертям послав,—
Уже терпеть невмочь!—
Со Швейком Гашек Ярослав
Беседует всю ночь.

И свежий ратуши пролом,
И каждой арки свод
Напоминает о былом
И чеха в бой зовет...

А он вчера окончен — бой,
И мимо древних стен
Завоеватели толпой
Прошли понуро в плен.

И в улицах цветет каштан —
Не счастье его свечей!—
И слышен смех то тут, то там
И говор москвичей.

И кажется, что здесь при всех,
Родства исполнив власть,
Вацлавская во весь разбег
С Садовою слилась!

ШАГ ИДУЩЕЙ РОТЫ

Дубов расстрелянных стволы,
Морозный воздух крепче водки.
Я роту вел через тылы
В ночной обход одной высоты.

Она была совсем мала,
Но, вспять отбрасывая танки,
Два дня сбивала и рвала
Строй и энергию атаки...

Тьма. Снег шуршал, сыпуч и сух,
Каких-то тропок рвались звенья,
И в сизой мути был мне слух
Как бы вторым комплектом зренья.

И, с бело-серою стеной
Стараясь свыкнуться и слиться,
Я как бы видел за спиной
Сосредоточенные лица.

И тот особый посверк глаз,
То их мерцание и жженье,
В которых жизнь самозажглась
Необратимостью решенья.

И я смирял свое в себе,
И шел, и вел навстречу бою,
Чтоб равным в общей стать судьбе
И все же быть самим собою,

И личной цели не иметь,
И поражение, торжество ли,
И честь победы или смерть —
Принять в своей и в общей доле.

С тех пор везде и в час любой,
В любые жизни повороты
Я слышу, вижу за собой
Солдат в века идущей роты.

И проверяю сам в себе
Решимость и готовность к бою,
И растворяюсь в их судьбе,
Чтоб вправду стать самим собою.

СЕМЕН ГУДЗЕНКО

ПЕРЕД АТАКОЙ

Когда на смерть идут — поют,
а перед этим

можно плакать.

Ведь самый страшный час в бою —
час ожидания атаки.

Снег минами изрыт вокруг
и почернел от пыли минной.
Разрыв.

И умирает друг.

И значит, смерть проходит мимо.
Сейчас настанет мой черед.
За мной одним

идет охота.

Будь проклят

сорок первый год
и вмерзшая в снега пехота.

Мне кажется, что я магнит,
что я притягиваю мины.
Разрыв.

И лейтенант хрипит.

И смерть опять проходит мимо.
Но мы уже

не в силах ждать.

И нас ведет через траншеи
окоченевшая вражда,
штыком дырявящая шен.
Был бой коротким.

А потом

глушили водку ледяную,
и выковыривал ножом
из-под ногтей

я кровь чужую.

* * *

Я был пехотой в поле чистом,
в грязи окопной и в огне.
Я стал армейским журналистом
в последний год на той войне.

Но если снова воевать...
Таков уже закон:
пускай меня пошлют опять
в стрелковый батальон.

Быть под началом у старшин
хотя бы треть пути,
потом могу я с тех вершин
в поэзию сойти.

МОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Нас не нужно жалеть, ведь и мы
никого б не жалели.

Мы пред нашим комбатом,
как пред господом богом, чисты.
На живых порыжели от крови и
глины шинели,
на могилах у мертвых расцвели
голубые цветы.

Расцвели и опали... Проходит
четвертая осень.
Наши матери плачут, и ровесницы
молча грустят.
Мы не знали любви, не извели
счастья ремесел,
нам досталась на долю нелегкая
участь солдат.

У погодков моих ни стихов,
ни любви, ни покоя —
только сила и зависть. А когда
возвратимся с войны,
все долюбим сполна и напишем,
ровесник, такое,
что отцами-солдатами будут
гордиться сыны.

Ну, а кто не вернется?
Кому долюбить не придется?
Ну, а кто в сорок первом первую
пулей сражен?
Зарыдает ровесница, мать на пороге
забьется, —
у погодков моих ни стихов,
ни покоя, ни жен.

Кто вернется — долюбит? Нет!
 Сердца на это не хватит,
 и не надо погибшим, чтоб живые
 любили за них.
 Нет мужчины в семье — нет детей,
 нет хозяина в хате.
 Разве горю такому помогут рыданья
 живых?

Нас не нужно жалеть, ведь и мы
 никого б не жалели,
 Кто в атаку ходил, кто делился
 последним куском,
 тот поймет эту правду, — она к нам
 в окопы и щели
 приходила поспорить ворчливым,
 охрипшим баском.

Пусть живые запомнят, и пусть
 поколения знают
 эту взятую с боем суровую правду
 солдат.
 И твои костыли, и смертельная
 рана сквозная,
 и могилы над Волгой, где тысячи
 юных лежат, —
 это наша судьба, это с ней мы
 ругались и пели,
 подымались в атаку и рвали
 над Бугом мосты.

...Нас не нужно жалеть, ведь и мы
 никого б не жалели.
 Мы пред нашей Россией и в трудное
 время чисты.

А когда мы вернемся, —
 а мы возвратимся с победой,
 все, как черти, упрямы, как люди,
 живучи и злы, —
 пусть нам пива наварят и мяса
 нажарят к обеду,
 чтоб на ножках дубовых повсюду
 ломились столы.

Мы поклонимся в ноги родным
 исстрадавшимся людям,
 матерей расцелую и подруг,
 что дождались, любя.

Вот когда мы вернемся и победу
 штыками добудем —
 все долюбим, ровесник, и ремесла
 найдем для себя.

ВИКТОР ГУСЕВ

**ЕСТЬ НА СЕВЕРЕ
 ХОРОШИЙ ГОРОДОК**

Есть на севере хороший городок,
 Он в лесах суровых северных залег.
 Русская метелица там кружит, поет,
 Там моя подруженька,
 душенька живет.

Письмоносец, ей в окошко постучи,
 Письмецо мое заветное вручи!
 Принимайте весточку с дальней
 стороны,
 С поля битвы жаркого,
 с мировой войны!

Слышишь, милая, далекая моя,
 Защищаем мы родимые края!
 В ночки морозные,
 в ясные деньки
 В бой выходят грозные красные
 полки.

Мы захватчиков-фашистов разобьем,
 С Красным знаменем по Родине,
 пройдем.
 А война окончится, и настанет
 срок, —
 Ворочусь я в северный милый
 городок.

Я по небу, небу синему промчусь,
Прямо к милому окошку опущусь,
Постучусь в окошечко,

и душа замрет...
Выходи, красавица, друг любезный
ждет!

Есть на севере хороший городок,
Он в лесах суровых северных залег,
Русская метелица там кружит, поет,
Там моя подруженька,
душенька живет.

**ЕВГЕНИЙ
ДОЛМАТОВСКИЙ**

ПЕСНЯ О ДНЕПРЕ

У прибрежных лоз, у высоких круч
И любили мы и росли.

Ой Днепр, Днепр, ты широк,
могуч,
Над тобой летят журавли.

Ты увидел бой, Днепр-отец река,
Мы в атаку шли под горой.
Кто погиб за Днепр,
будет жить века,
Коль сражался он как герой.

Враг напал на нас,
мы с Днепра ушли,
Смертный бой гремел, как гроза.
Ой Днепр, Днепр,
ты течешь вдали,
И волна твоя как слеза.

Из твоих стремнин враг воду пьет,
Захлебнется он той водой.

Славный день настал,
мы идем вперед
И увидимся вновь с тобой.

Кровь фашистских псов пусть рекой
течет,

Враг советский край не возьмет.
Как весенний Днепр,

всех врагов сметет
Наша армия, наш народ.

МОЯ ЛЮБИМАЯ

Я уходил тогда в поход,
В далекие края.
Платком взмахнула у ворот
Моя любимая.

Второй стрелковый храбрый взвод
Теперь моя семья.
Поклон-привет тебе он шлет,
Моя любимая.

Чтоб дни мои быстрее неслись
В походах и боях,
Издали мне улыбнись,
Моя любимая.

В кармане маленьком моем
Есть карточка твоя,
Так, значит, мы всегда вдвоём,
Моя любимая.

ЮЛИЯ ДРУНИНА

ЗИНКА

Памяти однополчанки —
Героя Советского Союза
Зины Самсоновой

I

Мы легли у разбитой ели,
Ждем, когда же начнет светлеть.
Под шинелью вдвоем теплее
На продрогшей, гнилой земле.

— Знаешь, Юлька,
я — против грусти,
Но сегодня она — не в счет.
Дома, в яблочном захолустье,
Мама, мамка моя живет.

У тебя есть друзья, любимый,
У меня — лишь она одна.
Пахнет в хате квашней и дымом,
За порогом бурлит весна.

Старой кажется: каждый кустик
Беспокойную дочку ждет...
Знаешь, Юлька, я — против грусти,
Но сегодня она — не в счет.

Отогрелись мы еле-еле,
Вдруг — приказ:
«Выступить вперед!»
Снова рядом в сырой шинели
Светлокосый солдат идет.

II

С каждым днем становилось горше.
Шли без митингов и знамен.
В окруженье попал под Оршей
Наш потрепанный батальон.

Зинка нас повела в атаку,
Мы пробились по черной ржи,
По воронкам и буеракам,
Через смертные рубежи.

Мы не ждали посмертной славы.
Мы хотели со славой жить.
...Почему же в бинтах кровавых
Светлокосый солдат лежит?

Ее тело своей шинелью
Укрывала я, зубы сжав,
Белорусские ветры пели
О рязанских глухих садах.

III

...Знаешь, Зинка, я —
против грусти,
Но сегодня она — не в счет.
Где-то, в яблочном захолустье,
Мама, мамка твоя живет.

У меня есть друзья, любимый,
У нее ты была одна.
Пахнет в хате квашней и дымом,
За порогом бурлит весна.

И старушка в цветастом платье
У иконы свечу зажгла.
...Я не знаю, как написать ей,
Чтоб тебя она не ждала?

* * *

Не знаю, где я нежности училась,—
Об этом не расспрашивай меня.
Растут в степи солдатские могилы,
Идет в шинели молодость моя.

В моих глазах — обугленные трубы.
Пожары полыхают на Руси.
И снова нецелованные губы
Израненный парнишка закусил.

Нет, мы с тобой узнали не из сводки
Большого отступления страду.
Опять в огонь рванулись самоходки,
Я на броню вскочила на ходу.

А вечером над братскою могилой
С опущенной стояла головой...
Не знаю, где я нежности училась,—
Быть может, на дороге фронтовой...

МИХАИЛ ДУДИН

СОЛОВЬИ

О мертвых мы поговорим потом.
Смерть на войне обычна и сурова.
И все-таки мы воздух ловим ртом
При гибели товарищей. Ни слова

Не говорим. Не поднимая глаз,
В сырой земле выкапываем яму.
Мир груб и прост.

Сердца сгорели. В нас
Остался только пепел, да упрямо
Обветренные скулы сведены.

Трехсотпятидесятый день войны.

Еще рассвет по листьям не дрожал,
И для остратки били пулеметы...
Вот это место. Здесь он умирал —
Товарищ мой из пулеметной роты.

Тут бесполезно было звать врачей.
Не дотянул бы он и до рассвета.
Он не нуждался в помощи ничьей.
Он умирал. И, понимая это,

Смотрел на нас, и молча ждал
конца,
И как-то улыбался неумело.
Загар сначала отошел с лица,
Потом оно, темнея, каменело.

Ну, стой и жди. Застынь.
Оцепеней.

Запри все чувства сразу
на защелку,
Вот тут и появился соловей,
Несмело и томительно защелкал.

Потом сильней, входя в горячий
пыл,
Как будто настезь вырвавшись
из плена,
Как будто сразу обо всем забыл,
Высвистывая тонкие колена.

Мир раскрывался. Набухал росой.
Как будто бы еще едва означась,
Здесь рядом с нами возникал

другой
В каком-то новом сочетанье
качеств.

Как время, по траншеям тек песок.
К воде тянулись корни у обрыва,
И ландыш, приподнявшись на носок,
Заглядывал в воронку от разрыва.

Еще минута. Задымит сирень
Клубами фиолетового дыма.
Она пришла обескуражить день,
Она везде. Она непроходима.

Еще мгновенье. Перекосит рот
От сердца раздирающего крика,—
Но успокойся, посмотри: цветет,
Цветет на минном поле земляника.

Лесная яблонь осыпает цвет,
Пропитан воздух ландышем
и мятой...

А соловей свистит. Ему в ответ
Еще — второй, еще — четвертый,
пятый.

Звенят стрижи. Малиновки поют.
И где-то возле, где-то рядом,
рядом,

Раскидан настороженный уют
Тяжелым гроыхающим снарядом.

А мир гремит на сотни верст
окрыт,
Как будто смерти не бывало места,
Шумит неумолкающий оркестр,
И нет преград для этого оркестра.

Весь этот лес листом и корнем
каждым,
Ни капли не сочувствуя беде,
С невероятной, яростною жаждой
Тянулся к солнцу,
к жизни и к воде.

Да, это жизнь. Ее живые звенья,
Ее крутой, бурлящий водоем.
Мы, кажется, забыли на мгновенье
О друге умирающем своем.

Горячий луч последнего рассвета
Едва коснулся острого лица.
Он умирал. И, понимая это,
Смотрел на нас и молча ждал
конца.

Нелепа смерть. Она глупа. Тем боле
Когда он, руки разбросав свои,
Сказал: «Ребята, напишите Поле:
У нас сегодня пели соловьи».

И сразу канул в омут тишины
Трехсотпятидесятый день войны.

Он не дожил, не долюбил,
не допил,
Не доучился, книг не дочитал.
Я был с ним рядом. Я в одном
окопе,
Как он о Поле, о тебе мечтал.

И может быть, в песке,
в размытой глине,
Захлебываясь в собственной крови,
Скажу: «Ребята, дайте знать
Ирине:
У нас сегодня пели соловьи».

И полетит письмо из этих мест
Туда, в Москву, на Зубовский
проезд.

Пусть даже так. Потом просохнут
слезы,
И не со мной, так с кем-нибудь
вдвоем
У той поджигородовской березы
Ты всмотришься в зеленый водоем.

Пусть даже так. Потом родятся
дети
Для подвигов, для песен,
для любви.
Пусть их разбудят рано
на рассвете
Томительные наши соловьи.

Пусть им навстречу солнце зноем
брызнет
И облака потянутся гуртом.
Я славлю смерть во имя нашей
жизни,
О мертвых мы поговорим потом.

ПОБЕДИТЕЛЬ

Без малого четыре года
Гремела грозная война.
И снова русская природа
Живого трепета полна.

Там, где мы брали кровью, с бою
Противотанковые рвы,—
Цветы, обрызганы росой,
Встают, качаясь, из травы.

Где ночь от ярких молний слепа,
Кипела в заводях вода,—
Из камня, щебня и из пепла
Встают родные города.

И вот дорогою обратной,
Непокоряемый вовек,
Идет, свершивши подвиг ратный,
Великий русский человек.

Он сделал все, он тих и скромн.
Он мир от черной смерти спас.
И мир, прекрасен и огромен,
Его приветствует сейчас.

А сзади темные могилы
Врагов на дальнем берегу —
О нашей доблести и силе
Напоминание врагу.

ВЛАДИМИР ЖУКОВ

АТАКА

Дождем и снегом сеет небо.
А ты лежишь. И потом взмок.
И лезет в душу быль и небыль,
гремит не сердце, а комок.

Почти минута до сигнала,
а ты уже полуприсел.
Полупривсталась рота. Встала.
Полупригнулась. Побежала...
Кто — до победного привала,
кто в здравотдел, кто в земотдел.

ПУЛЕМЕТЧИК

С железных рукоятей пулемета
он не снимал ладоней
в дни войны...

Опасная и страшная работа.
Не вздумайте взглянуть

со стороны.

РОССИЯ

Михаилу Кочневу

Гудели танки, пушки корпусные
меси́ли грязь и вязли до осей...
Знать, из терпенья вышла ты,
Россия,
коль навалилась с ходу силой
всей!

Какой маньяк посмел подумать
только,
что ты покорной будешь хоть
на миг?..
Россия — удаль гоголевской
тройки,
Россия — музы пушкинской язык.

На тыщи верст — поля, леса
да кручи,
в раздолье тонут синие края...
Где есть земля суровее и лучше,
чем ты, Россия, родина моя?

**ВЛАДИСЛАВ
ЗАНАДВОРОВ¹**

НА ВЫСОТЕ «Н»

На развороченные доты
Легли прожектора лучи,
И эти темные высоты
Вдруг стали светлыми в ночи.

¹ Владислав Занадворов погиб в ноябрьских боях 1942 года под Сталинградом.

А мы в снегу, на склонах голых,
 Лежали молча, как легли,
 Не подымали век тяжелых
 И их увидеть не могли.

Но, утверждая наше право,
 За нами вслед на горы те
 Входила воинская слава
 И нас искала в темноте.

ВЕРА ИНБЕР

**ТРАМВАЙ ИДЕТ
 НА ФРОНТ**

Холодный, цвета стали,
 Суровый горизонт...
 Трамвай идет к заставе,
 Трамвай идет на фронт.
 Фанера вместо стекол,
 Но это ничего,
 И граждане потоком
 Вливаются в него.
 Немолодой рабочий —
 Он едет на завод,
 Который дни и ночи
 Оружие кует.
 Старушку убаюкал
 Ритмичный шум колес:
 Она танкисту — внуку
 Достала папирос.
 Беседа с сестрою
 И полковым врачом,
 Дружинницы — их трое —
 Сидят к плечу плечом.

У пояса граната,
 У пояса наган,
 Высокий, бородастый —
 Похоже, партизан —
 Пришел помыться в баньке,
 Побыть с семьей своей,
 Принес сынишке Саньке
 Немецкий шлем — трофей —
 И снова в путь-дорогу,
 В дремучие снега —
 Выслеживать берлогу
 Жестокого врага,
 Огнем своей винтовки
 Вести фашистам счет...
 Мелькают остановки,
 Трамвай на фронт идет.
 Везут домохозяйки
 Нещедрый свой паек,
 Грудной ребенок — в байке
 Откинут уголок —
 Глядит (ему все ново),
 Гляди, не забывай
 Крещенья боевого, —
 На фронт идет трамвай.
 Дитя! Твоя квартира
 В обломках. Ты — в бою
 За обновленье мира,
 За будущность твою.

И — к черепу череп — булыжник
 Мерцал перед нами в ночи.

Прошли мы пятнадцать, и двадцать,
 И сотни, и тыщи шагов.
 И небо устало качаться
 На лезвиях наших штыков.

Не надо ни водки, ни хлеба —
 Упасть и лежать на спине...
 Привал. Но качается небо —
 По небу идем на войне,

По звездам идем и по солнцам,
 Топча каблуком облака...
 А чья-то звезда оборвется,
 И роте не хватит штыка.

И чья-то дорога короче,
 Чем та, что осталась живым,
 Чем та, что, быть может, пророчит
 Таковую ж судьбу остальным.

Такие же вихри косые
 Могилы других заметут...
 Но все Ярославны России
 Надеются, плачут и ждут.

Надейтесь... (О пулю споткнется!)
 И плачьте... (Он рухнет ничком,
 И горестно небо качнется
 Над этим последним штыком!)

«Дороге — конец...» — замирая,
 Мелькнет в голове у бойца.
 Он так и затихнет, не зная,
 Что нет у дороги конца.

Затихнет, не зная, что следом
 Торопятся маршевики,
 Шагают, упавшее небо
 Успев подхватить на штыки.

ДМИТРИЙ КЕДРИН

1941

Ты, что хлеб свой любовно
 выращивал,
 Пел, рыбачил, глядел на зарю.
 Голосами седых твоих пращуров
 Я, Россия, с тобой говорю:

Для того ль новосел заколачивал
 В первый сруб на Москве первый
 гвоздь,
 Для того ль астраханцам
 не плачивал
 Дани гордый владимирский гость;

Для того ль окрест города хитрые
 Выводились заслоны да рвы
 И палили мы пеплом Дмитрия
 На четыре заставы Москвы;

Для того ль Ермаковы охотники
 Белку били дробинкою в глаз;
 Для того ль пугачевские сотники
 Смердам чли Государев Указ;

Для того ли, незнамы-неведомы,
 Мы в холодных могилах лежим,
 Для того ли тягались со шведами
 Ветераны петровских дружин;

Для того ли в годину суровую,
 Как пришел на Москву Бонапарт,
 Попалили людишки дворовые
 Огоньком его воинский фарт;

Для того ль стыла изморозь
 хрусткая
 У пяти декабристов на лбу;
 Для того ль мы из бед землю
 Русскую
 На своем вывозили горбу;

Там чахлые травы шептались
и дрогли,
И плакали чибисы, злясь на судьбу,
И серая цапля, как иероглиф,
Стояла, должно быть, с лягушкой
в зобу.

Бездонные топи. Озера. Болота.
Зеленая, желтая, рыжая мгла.
Здесь даже лететь никому
неохота,—
А как же пехота все это прошла?..

САНЧАГОУ

Здесь тишину веками берегли,
В маньчжурском городишке
Санчагоу.
Днем — патрули. И ночью —
патрули.
И тишина. И ничего другого.

Мерцает и качается слегка
Цветной фонарь из рисовой бумаги.
Шаги конвоя. Тусклый блеск штыка.
И солнце самурайское на флаге.

В харчевнях гости сипнут до зари,
И женщины толпятся у окошка,
Где вместо стекол — бычьи пузыри,
Квасцами просветленные немножко.

Кругом покой. Шаги одни и те ж.
И на колах висят не для того ли
Две головы казненных за мятеж,
Как черные горшки на частоколе?

Бездомный пес пролаял на луну.
И снова — ночь. И ничего другого.
...Мы расстреляли эту тишину,
Когда входили в город Санчагоу.

БОРИС КОСТРОВ¹

НА РАССВЕТЕ

Оросив слезами щедро травы,
Поломав на межах васильки,
Закричали матери: —Куда вы?—
Девушки закутались в платки.

А седой, безрукий, молчаливый,
Ветеран войны и звездочет,
Заломив седую ветку ивы,
Вспомнил вдруг четырнадцатый год.

И вздохнул. Светлело. Мимо, мимо
Деревень, цветущих роц и хат
Шли в косоворотках побратимы,
Земляки, друзья — в военкомат.

Там над чистым убранным крылечком
На развилке памятных дорог
Реял, чтоб запомниться навечно,
Алого сияния флажок.

¹ Борис Костров 11 марта 1945 года погиб в Восточной Пруссии.

ВИКТОР КОЧЕТКОВ

* * *

Шел смертный бой.
Земля в огне кипела.
Был сужен мир до прорези прицела.
Но мы, полны решимости и веры,
Ему вернули прежние размеры.

В СОЖЖЕННОЙ ДЕРЕВНЕ

Под громкие крики ворон и грачей
Мы утром в деревню входили.
Маячили остовы черных печей.
Руины устало чадили.

И в редком разбросе лежали тела
В тени колоколенки древней,
Как будто бы смерть неохотно
брала
Ясак с белгородской деревни.

И в этом, еще не дотлевшем аду,
Где горе уже накричалось,
Под старой березой у всех
на виду
Ременная люлька качалась.

Играла малиновой медью колец
С июньскою синью небесной.
И тихо сидел годовалый малец
В той зыбке, плывущей над
бездной.

Нет, он не кричал, ни о чем
не молил,
Ко рту подтянув кулачонки.
И ветер, пропахший бедой, шевелил
Седые его волосенки.

Как свечка, обугленный тополь
горел,
И хлопья с него опадали.
А тихий мальчонка смотрел
и смотрел
В какие-то дальние дали.

Поверх этой битвы и этой войны,
Поверх современности грозной
В далекие дали, что нам не видны,
Смотрел не по-детски серьезно.

Как будто дорогу свою примечал,
Забыв даже сглатывать слезы.
А зыбка, как лодка о старый
причал,
Стучала о скосок березы...

Я знаю, и вера и правда живет
На нашей планете любезной,
Покуда та зыбка, та люлька плывёт
Над гарью, над смертью,
над бездной.

МИХАИЛ КУЛЬЧИЦКИЙ¹

СТОЛИЦА

Здесь каждый дом стоит как дот,
И тянутся во мгле
Зенитки с крыши в небосвод,
Как шпиль на Кремле.

¹ Михаил Кульчицкий погиб под Сталинградом в январе 1943 года.

Как знак, что в этот час родней
С Кремлем моя земля,
И даже кажутся тесней
Дома вокруг Кремля.

На окнах белые кресты
Мелькают второпях,—
Такой же крест поставишь ты,
Москва, на всех врагах.

А мимо — площади, мосты,
Патрульный на коне...
Оскалясь надолбами, ты
Еще роднее мне.

И каждый взрыв или пожар
В любом твоём доме
Я ощущаю как удар
По сердцу моему.

Но мы залечим каждый дом,
И в окнах будет свет,
Дворец Советов возведем
Как памятник побед.

И чертят небо над Москвой
Прожекторов лучи.
И от застав шагают в бой
Родные москвичи.

АЛЕКСЕЙ ЛЕБЕДЕВ¹

ТЕБЕ

Мы попросаемся в Кронштадте
У зыбких сходен, а потом
Рванется к рейду серый катер,
Раскалывая рябь винтом.

Вот облаков косою тенью
Луна подернулась слегка,
И затерялась в отдаленье
Твоя простертая рука.

Опять шуметь над морем флагу,
И снова, и суров и скуп,
Балтийский ветер сушит влагу
Твоих похолодевших губ.

Уходят врозь пути кривые,
Мы говорим «прощай» стране;
В компасы смотрят рулевые,
И ты горюешь обо мне.

...И если пенные объятя
Нас захлестнут в урочный час
И ты в конверте за печатью
Получишь весточку о нас,—

Не плачь, мы жили жизнью смелой,
Умели храбро умирать,—
Ты на штабной бумаге белой
Об этом можешь прочитать.

Переживи внезапный холод,
Полгода замуж не спеши,
А я останусь вечно молод
Там, в тайниках твоей души.

А если сын родится вскоре,
Ему одна стезя и цель,
Ему одна дорога — море,
Моя могила и купель.

¹ Алексей Лебедев погиб на подводной лодке в Финском заливе в 1941 году.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ПОХОДА

Когда мы подвели итог тоннажу
Потопленных за месяц кораблей,
Когда, пройдя три линии барражей,
Гектары минно-боновых полей,

Мы всплыли вверх — нам показалось
странно
Так близко снова видеть светлый
мир,
Костер зари над берегом туманным,
Идущий в гавань портовой буксир.

Небритые, пропахшие соляром,
В тельняшках, что за раз
не отстирать,
Мы твердо знали, что врагам
задаром
Не удалось в морях у нас гулять.

А лодка шла, последний створ
минуя,
Поход окончен, и фарватер чист.
И в этот миг гармонику губную
Поднес к сухим губам своим
радист.

И пели звонко голоса металла
О том, чем каждый счастлив был
и горд:
Мелодию «Интернационала»
Играл радист. Так мы входили
в порт.

ВАСИЛИЙ ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой.

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна,—
Идет война народная,
Священная война!

Дадим отпор душителям
Всех пламенных идей,
Насильникам, грабителям,
Мучителям людей.

Не смеют крылья черные
Над Родиной летать,
Поля ее просторные
Не смеет враг топтать!

Гнилой фашистской нечисти
Загоним пулю в лоб,
Отребью человечества
Сколотим крепкий гроб.

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна,—
Идет война народная,
Священная война!

ЮРИЙ ЛЕВИТАНСКИЙ

ЗЕМЛЯ

Я с землею был связан немало лет.
Я лежал на ней. Шла война.
Но не землю я видел в те годы,

нет.

Почва была видна.

В ней под осень мой увязал сапог
с каждым новым дождем сильней.
Изо всех тех качеств, что дал

мне бог,

притяженье лишь было в ней.

Она вся измерялась длиной броска,
мерам нынешним вопреки.

До второй избы. До того леска.

До мельницы. До реки.

Я под утро в узкий окопчик лез,
и у самых моих бровей

стояла трава, как дремучий лес,
и, как мамонт, брел муравей...

А весною цветами она цвела.

А зимою была бела.

Вот какая земля у меня была.

Маленькая была.

А потом эшелон меня вез домой.

Все вокруг обретало связь.

Изменялся мир изначальный мой,
протяженнее становясь.

Плыли страны. Вился жилой дымок.

Был в дороге я много дней.

Я еще деталей видеть не мог,

но казалась земля крупней.

Я тогда и понял, как земля велика,
величественно велика.

И только когда на земле война —
маленькая она.

МАРК ЛИСЯНСКИЙ

МОЯ МОСКВА

Я по свету немало хаживал,
Жил в землянках, в окопах, в тайге,
Похоронен был дважды заживо,
Знал разлуку, любил в тоске.

Но Москвою привык я гордиться
И везде повторяю слова:

Дорогая мой столица,
Золотая моя Москва!

У горячих станков и орудий,
В нескончаемой лютой борьбе
О тебе беспокоятся люди,
Пишут письма друзьям о тебе.

И врагу никогда не добиться,
Чтоб склонилась твоя голова,
Дорогая моя столица,
Золотая моя Москва!

БОРИС ЛИХАРЕВ

* * *

Прислушайся — камень в горах
рычит
Над горной тундрой.
То двинулся корпус, идет в ночи
Дорогой трудной.

По фиордам лишь эхо гудит
впотьмах,
Все глуше, глуше.
На пятитонках в больших чехлах
Плывут «катюши».

И самоходные пушки с гор
Сползают юзом,
И щебень дробится, он в прах
истерт
Под страшным грузом.

Ты щепки не сыщешь в камнях
одной
По всем окружаюм.
Дрова на плечах мы несем с собой
В довес к оружию.

Топограф и тот не смог заглянуть
Сюда, но ратный
Без карт мы колонной проложим
путь
По белым пятнам.

Нам пламя не в пламя и лед не
в лед,
Но сложат были —
И правнук на скалах следы прочтет,
Что мы врубили.

И радостно нашим шагать полкам
На зов народа.
— Вы слышите, люди фиордов, к вам
Идет свобода!

МИХАИЛ ЛУКОНИН

МОИ ДРУЗЬЯ

Госпиталь.
Всё в белом.
Стены пахнут сыроватым мелом,
Запеленав нас туго в одеяла
И подтрунив над тем, как мы малы,
Нагнувшись, воду по полу гоняла
Сестра.

А мы глядели на полы,
И нам в глаза влетала синева...
Вода, полы,
Кружилась голова,
Слова кружились:
— Друг, какое нынче?
Суббота?
— Вот не вижу двадцать
дней...—
Пол голубой в воде, а воздух дымчат.
— Послушай, друг...—
И все о ней, о ней.

Несли обед. И с ложки всех
кормили,
А я уже сидел спиной к стене.
И капли щей на одеяле стыли.
Завидует танкист ослепший мне

И говорит про то, как двадцать
 дней
 Не видит.
 И о ней, о ней, о ней...
 — А вот сестра,
 ты письма
 продиктуй ей!
 — Она не сможет, друг,
 тут сложность есть.
 — Какая сложность? Ты о ней
 не думай...
 — Вот ты бы взялся!
 — Я?
 — Ведь руки есть?!
 — Я не смогу!
 — Ты сможешь!
 — Слов не знаю!
 — Я дам слова!
 — Я не любил...
 — Люби!
 Я научу тебя, припоминая...
 Я взял перо.
 А он сказал:
 — «Родная!»—
 Я записал. Он:
 — «Думай, что убит...»—
 «Живу»,— я написал. Он:
 — «Ждать не надо...»—
 А я, у правды всей на поводу,
 Водил пером: «Дождись,
 моя награда...»
 Он:
 — «Не вернусь...»—
 А я: «Приду! Приду!»
 Шли письма от нее. Он пел
 и плакал,
 Письмо держал у просветленных
 глаз.
 Теперь меня просила вся палата:
 — Пиши! —
 Их мог обидеть мой
 отказ.
 — Пиши!
 — Но ты же сам сумеешь,
 левой!
 — Пиши!
 — Но ты же видишь сам?!
 — Пиши!..
 Всё в белом.
 Стены пахнут сыроватым мелом.
 Где это все? Ни звука. Ни души.

Друзья, где вы?..
 Светает у причала.
 Вот мой сосед дежурит у руля.
 Все в памяти переберу сначала.
 Друзей моих ведет ко мне земля.
 Один мотор заводит на заставе,
 Другой с утра пускает жернова.

А я?
 А я молчать уже не вправе.
 Порученные мне горят слова.
 — Пиши! — диктуют мне они.
 Сквозная
 Летит строка.
 — Пиши о нас!
 Труби!..
 — Я не смогу!
 — Ты сможешь!
 — Слов не знаю..
 — Я дам слова!
 Ты только жизнь
 люби!

МИХАИЛ ЛЬВОВ

ВРЕМЯ

Мы бронзой покрываемся в походе,
 Над нами солнце всходит каждый
 день
 И каждый день на западе заходит,
 И мир цветной повторно ввергнут
 в тень.
 Еще штыками обернутся песни.
 Еще придут и отшумят бои.

Придет домой седеющий ровесник.
Придут не все ровесники мои.
Оставшимся — счастливо

оставаться.

Но с этим миром в утреннем дыму
Договорились мы не расставаться —
И мы вернемся бронзою к нему.
У вас сады. У вас цветенье лета.
И юноши по мрамору идут
Сквозь волны круглосуточного

света,

И холодно быть памятником тут...
Когда ты выйдешь с лекций

на закате,

О наших размышляя временах,
Навек ушедших в толщу

хрестоматий,

О наших запыленных именах —
Почувствуй нас взволнованней,

чем лектор:

Ведь и от вас мы отвели беду,
Товарищ мой, бредущий

по проспекту

В трехтысячном немислимом году.

ВЫСОТА

Комбату приказали в этот день
Взять высоту и к сопкам

пристреляться.

Он может умереть на высоте,
Но раньше должен на нее подняться.

И высота была взята,
И знают уцелевшие солдаты —

У каждого есть в жизни высота,
Которую он должен взять когда-то.

А если по дороге мы умрем,
Своею смертью разрывая доты,

То пусть нас похоронят на
высотах,

Которые мы все-таки берем.

НИКОЛАЙ МАЙОРОВ¹

Это время
трудновато для пера.
Маяковский

МЫ

Есть в голосе моем звучание

металла.

Я в жизнь вошел тяжелым и прямым.
Не все умрет. Не все войдет

в каталог.

Но только пусть под именем моим
Потомок различит в архивном хламе
Кусок горячей, верной нам земли,
Где мы прошли с обугленными

ртами

И мужество, как знамя, пронесли.

Мы жгли костры и вспять пускали
реки.

Нам не хватало неба и воды.

Упрямой жизни в каждом человеке
Железом обозначены следы —

Так в нас запали прошлого приметы.
А как любили мы — спросите жен!
Пройдут века, и вам солгут

портреты,

Где нашей жизни ход изображен.

Мы были высоки, русоволосы.

Вы в книгах прочтаете как миф,
О людях, что ушли, недолюбив,

Не докурив последней папиросы.
Когда б не бой, не вечные исканья

Крутых путей к последней высоте,
Мы б сохранились в бронзовых

ваяньях,

В столбцах газет, в набросках

на холсте.

Но время шло. Меняли реки русла.
И жили мы, не тратя лишних слов,

¹ Политрук пулеметной роты Николай Майоров погиб под Смоленском 8 февраля 1942 года.

Чтоб к вам прийти лишь
 в пересказах устных
 Да в серой прозе наших дневников.
 Мы брали пламя голыми руками.
 Грудь раскрывали ветру. Из ковша
 Тянули воду полными глотками
 И в женщину влюблялись не спеша.

И шли вперед, и падали, и, еле
 В обмотках грубых ноги волоча,
 Мы видели, как женщины глядели
 На нашего шального трубача.
 А тот трубил, мир ни во что

не ставя
 (Ремень сползал с покатога
 плеча),

Он тоже дома женщину оставил,
 Не оглянувшись даже сгоряча.

Был камень тверд, уступы
 каменисты,
 Почти со всех сторон окружены,
 Глядели вверх — и небо было

чисто,
 Как светлый лоб оставленной
 жены.

Так я пишу. Пусть не точны слова,
 И слог тяжел, и выраженья грубы!
 О нас прошла всесветная молва,
 Нам жажда зноем выпрямила губы.

Мир, как окно, для воздуха
 распахнут,
 Он нами пройден, пройден
 до конца,

И хорошо, что руки наши пахнут
 Угрюмой песней верного свинца.
 И, как бы ни давили память годы,
 Нас не забудут потому вовек,
 Что, всей планете делая погоду,
 Мы в плоть одели слово «Человек»!

МАРК МАКСИМОВ

БАЛЛАДА О ЧАСАХ

Врага мы в полночь окружить
 хотели.

Разведчик сверил время —
 и в седло!

Следы подков запрыгали в метели,
 и подхватило их, и понесло...

...Но без него вернулся конь
 сначала,

а после — мы дошли до сосняка,
 где из сугроба желтая торчала,
 с ногтями почернелыми, рука.

Стояли сосны, словно часовые...
 И слушали мы, губы закусив,
 как весело — по-прежнему живые —
 шли на руке у мертвого часы.

И взводный снял их.
 Рукавом шершавым

Сердито льдинки стер с небритых
 щек

и пальцем — влево от часов
 и вправо —
 разгладил на ладони ремешок.

— Так, значит, в полночь, хлопцы!
 Время сверьте!..

И мы впервые поняли в тот час:
 как просто начинается бессмертье,
 когда шагает время через нас!

МАТЬ

Жен вспоминали
 на привале,

друзей — в бою.
 И только мать
 не то и вправду забывали,
 не то стеснялись вспоминать.

Но было,
Что пред смертью самой,
видавший не один поход,
седой рубака крикнет:
— Мама!..

...И под копыта упадет.

ЛЕОНИД МАРТЫНОВ

НАРОД-ПОБЕДИТЕЛЬ

Возвращались солдаты с войны,
По железным дорогам страны
День и ночь поезда их везли.
Гимнастерки их были в пыли
И от пота еще солонь
В эти дни бесконечной весны.

Возвращались солдаты с войны!
И прошли по Москве, точно сны,—
Были жарки они и хмельны,
Были парки цветами полны.
В зоопарке трубили слоны,—
Возвращались солдаты с войны!

Возвращались домой старики
И совсем молодые отцы —
Москвичи, ленинградцы, донцы...
Возвращались сибиряки!

Возвращались сибиряки —
И охотники, и рыбаки,
И водители сложных машин,
И властители мирных долин,—
Возвращался народ-исполнин...

Возвращался?
Нет!
Шел он вперед,
Шел вперед
Победитель-народ!

МИХАИЛ МАТУСОВСКИЙ

НА БЕЗЫМЯННОЙ ВЫСОТЕ

Дымилаь роща под горою,
И вместе с ней горел закат.
Нас оставалось только двое
Из восемнадцати ребят.
Как много их, друзей хороших,
Лежать осталось в темноте —
У незнакомого поселка
На безымянной высоте.

Светилась, падая, ракета,
Как догоревшая звезда.
Кто хоть однажды видел это,
Тот не забудет никогда.
Он не забудет, не забудет
Атаки яростные те —
У незнакомого поселка
На безымянной высоте.

Над нами «мессеры» кружили,
И было видно, словно днем.
Но только крепче мы дружили
Под перекрестным артогнем.
И как бы трудно ни бывало,
Ты верен был своей мечте —
У незнакомого поселка
На безымянной высоте.

Мне часто снятся те ребята —
 Друзья моих военных дней,
 Землянка наша в три наката,
 Сосна сгоревшая над ней.
 Как будто вновь я вместе с ними
 Стою на огненной черте —
 У незнакомого поселка
 На безымянной высоте.

АЛЕКСАНДР МЕЖИРОВ

КОММУНИСТЫ, ВПЕРЕД!

Есть в военном приказе
 Такие слова,
 На которые только в тяжелом бою
 (Да и то не всегда)
 Получает права
 Командир, подымающий роту свою.

Я давно понимаю
 Военный устав
 И под выкладкой полной
 Не горблюсь давно.
 Но, страницы устава до дыр
 залистав,

Этих слов
 До сих пор
 Не нашел
 Все равно.

Год двадцатый,
 Коней одичавших галоп.
 Перекоп.
 Эшелоны. Тифозная мгла.

Интервентская пуля, летящая
 в лоб,—
 И не встать под огнем у шестого
 кола.

Полк
 Шинели
 На проволоку побросал,—
 Но стучит под шинельным сукном
 пулемет,

И тогда
 еле слышно
 сказал комиссар:
 — Коммунисты, вперед!
 Коммунисты, вперед!

Есть в военном приказе
 Такие слова!
 Но они неподвластны
 Уставам войны.
 Есть —
 Превыше устава —
 Такие права,
 Что не всем
 Получившим оружие
 Даны...

Сосчитали штандарты побитых
 держав,

Тыщи тысяч плотин
 Возвели на реках,
 Целину подымали,
 Штурвалы зажав
 В заскорузлых,
 Тяжелых
 Рабочих
 Руках.

И пробило однажды плотину одну
 На Свирьстрое, на Волхове иль
 на Днепре.

И пошли головные бригады
 Ко дну,
 Под волну,
 На морозной заре,
 В декабре.
 И когда не хватало
 «...предложенных мер...»
 И шкафы с чертежами грузили
 на плот,

Еле слышно
 сказал
 молодой инженер:
 — Коммунисты, вперед!
 Коммунисты, вперед!

Летним утром
 Граната упала в траву,
 Возле Львова
 Застава во рву залегла.
 «Мессершмитты» плеснули бензин
 в синеву,—
 И не встать под огнем у шестого
 кола.

Жгли мосты
 На дорогах от Бреста к Москве,
 Шли солдаты,
 От беженцев взгляд отводя.
 И на башнях
 Закопанных в пашни КВ
 Высыхали тяжелые капли дождя.
 И без кожуха
 Из сталинградских квартир
 Бил «максим»,
 И Родимцев ошупывал лед.
 И тогда

еле слышно
 сказал
 командир:
 — Коммунисты, вперед!
 Коммунисты, вперед!

Мы сорвали штандарты
 Фашистских держав,
 Целовали гвардейских дивизий
 шелка

И, древко
 Узловатыми пальцами сжав,
 Возле Ленина
 В мае
 Прошли у древка...

Под февральскими тучами
 Ветер и снег,
 Но железом нестынушим пахнет
 земля.

Приближается день.
 Продолжается век.
 Индевеют штыки в караулах
 Кремля...

Повсеместно,
 Где скрещены трассы свинца,
 Где труда бескорыстного —
 неупорот,
 Сквозь века,
 на века,
 навсегда,
 до конца:
 — Коммунисты, вперед!
 Коммунисты, вперед!

СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ

СТОРОНКА РОДНАЯ

С неразлучным своим автоматом
 Не в одной побывал я стране,
 Но везде и повсюду, ребята,
 Я скучал по родной стороне.

Сторонка, сторонка родная,
 Ты солдатскому сердцу мила,
 Эх, дорога моя фронтовая,
 Далеко ты меня завела!

Батальон наш стоял в Бухаресте,
 Бухарест — неплохой городок.
 Но, признаться вам, братцы,
 по чести —
 Мне милее родимый Торжок.

В Будапеште сражались мы долго.
 Будапешт на Дунае лежит.
 Как мне вспомнится матушка Волга,
 Так слеза на глаза набежит.

Нас цветами встречала София,
Обнимали у каждых ворот,
Но Болгария все ж не Россия,
Хоть и братский живет в ней
народ.

Бил я немцев на улицах Вены,
В ней сады и дворцы хороши.
Только Вена, скажу откровенно,
Дорога не для русской души.

Все с боями на запад шагая,
До берлинских ворот я дошел,
Но милее родимого края
Я нигде ничего не нашел.

Дождались мы великой победы.
И теперь с окончанием войны
Я уж как-нибудь, братцы, доеду
До советской родной стороны.

Сторонка, сторонка родная,
Ты солдатскому сердцу мила.
Эх, дорога моя фронтовая,
Далеко ты меня завела!

СЕРГЕЙ НАРОВЧАТОВ

В ТЕ ГОДЫ

Я проходил, скрипя зубами, мимо
Сожженных сел, казненных городов,
По горестной, по русской,
по родимой,
Завещанной от дедов и отцов.

Запоминал над деревнями пламя,
И ветер, разносивший жаркий прах,
И девушек, библейскими гвоздями
Распятых на райкомовских дверях.

И воронье кружилось без боязни,
И коршун рвал добычу на глазах,
И метил все бесчинства и все
казни
Паучий извивающийся знак.

В своей печали древним песням
равный,
Я села, словно летопись, листал
И в каждой бабе видел Ярославу,
Во всех ручьях Непрядву узнавал.

Крови своей, своим святыням
верный,
Слова старинные я повторял,
скорбя:
— Россия, мати! Свете мой
безмерный,
Которой мезтью мстить мне за
тебя?

О ГЛАВНОМ

Не будет этого тошнее,—
Живи еще хоть сотню лет,—
Чем эта мокрая траншея,
Чем этот серенький рассвет.

Стою в намокшей плащ-палатке,
Надвинув каску на глаза,
Ругая всласть и без оглядки
Все то, что можно и нельзя.

Сегодня лопнуло терпенье,
Осточертел проклятый дождь,—
Пока поднимут в наступленье,
До ручки, кажется, дойдешь.

Ведь как-никак мы в сорок пятом,
Победа — вот она! Видна!
Выходит срок служить солдатам,
И лишь окончится война,

Тогда — то, главное случится!..
И мне, мальчишке, невдомек,

Что ничего не приключится,
Чего б я лучше делать смог.

Что ни главнее, ни важнее
Я не увижу в сотню лет,
Чем эта мокрая траншея,
Чем этот серенький рассвет.

АЛЕКСЕЙ НЕДОГОНОВ

ДОЛГ

Я не помню детской колыбели.
Кажется:
я просто утром встал
и, накинув бурку из метели,
по большой дороге зашагал.

Как я мог пройти такие дали?
Увеличь стократно все пути!
Где я был?
В газетах не писали.
Где я шел?
По звездам не найти.

Только очень помнится,
что где-то
под Мадридом,
непогодь кляня,
у артиллерийского лафета
встал пушкарь, похожий на меня.

А потом на финском,
в штурмовые
ночи, под раскатами огня

(зимними глазами на Россию) —
пал стрелок, похожий на меня.
И еще я помню, помню внятно:
над бессмертьем друга своего
с ротою салютовал трикратно
я,
лицом похожий на него.

Ангелы спасенья не витали
надо мною на Большой войне:
силы Родины меня питали —
талисман возмездья
был при мне.

Где сейчас я?
Не ищи на карте...
Только люди говорят, что я
в Греции,
в Чанду
и в Джокьякарте
в дьявола стреляю из ружья!

Если верить людям, в их святую
проповедь,
то на любом ветру
до ста лет, наверно, проживу я,
коль своею смертью не умру.

* * *

Георгию Нефедову

Когда ученик в «мессершмитте»
впервые взлетал в высоту —
веснушчатый Саша Матросов
играл беззаботно в лапту.

Когда от ефрейтора писем
из Ливии фрау ждала —
московская девочка Зоя
совсем незаметной была.

Когда молодые пруссаки
чеканили шаг строевой —
над формулой сопротивления
склонялся Олег Кошевой.

Когда мы лозой придорожной
с рюкзаков сбивали пыльцу —
ландскнехты двадцатого века
гремели ружьем на плацу.

Когда у восточной ландкарты
юнгштурмовец бредил войной —
мы песней венчали мальчишник
на весях России родной.

Мы книги читали о счастье —
они их сжигали в огне;
мы ставили звезды на елке —
они на еврейской спине,

Мы ландыши рвали руками —
они их срезали ножом;
стрижей мы ловили силками —
они их сбивали ружьем.

Мы землю водой орошали —
они ее брали в штuki;
мы бронзой дворцы украшали —
они из нее воскрешали
для страшных орудий замки.

Но в праведный час испытаний
мы стали с оружием в строй;
мы девушку Зою назвали
своею народной сестрой.

Мы клятвою благословили
Матросова в правом бою,
мы дали Олегу упорство
и сильную дружбу свою.

И как бы нам ни было туго,
мы верили в дружбы накал:
никто из друзей в эти годы
ни пульей, ни сердцем не лгал.

Мы силу сломили такую,
что вправе гордиться собой:
и юностью нашей железной,
и нашей бессмертной судьбой,

И тем, что девятого мая
в Шенбрунне — в четыре руки —
баварец с лицом пивовара
надраивал нам башмаки.

ГАЛИНА НИКОЛАЕВА

ЗАВЕЩАНИЕ

Когда без меня пировали,
Меня вспоминали друзья,
На скатерть вино проливали,
Бросали бокалы, смеясь.

И тонкие скрипки звенели,
И пел кто-нибудь из ребят,
И мне телеграммы летели:
«Заздравную пьем за тебя».

Сюда не придут телеграммы,
И адрес у нас номерной,
И путь нам на запад не прямо
Проложен упорной войной.

Здесь смерть, как разлука, —
обычна,
За делом почти не страшна,
Да, всем нам известно отлично
Короткое слово «война».

И если с утра ль, на закате ль
Вам скажут — меня уже нет,
Вино не прольется на скатерть,
Не станут бокалы звенеть.

Из вас не один не заплачет,
И взор не померкнет ничей,
Меня помяните иначе:
Без слез; без вина, без речей.

Не надо ни скрипок, ни флейты,
Вы белую скатерть снегов
Залейте, залейте, залейте
Проклятую кровью врагов!

И пусть в мою память, ребята,
Поет над врагами шрапнель,
И вы не бокалы — гранаты
Бросайте без промаха в цель.

БУЛАТ ОКУДЖАВА

**ДО СВИДАНИЯ,
МАЛЬЧИКИ**

Ах, война,
что ж ты сделала, подлая:
стали тихими наши двory,
наши мальчики головы подняли —
повзрослели они до поры,
на пороге едва помаячили
и ушли,
за солдатом — солдат...
До свидания, мальчики!

Мальчики,
постарайтесь вернуться назад.
Нет, не прячьтесь вы,
будьте высокими,
не жалеите ни пуль, ни гранат
и себя не щадите,

и все-таки
постарайтесь вернуться назад.

Ах, война,
что ж ты, подлая, сделала!
Вместо свадеб —
разлуки и дым,
наши девочки платица белые
раздарили сестренкам своим.
Сапоги —
ну куда от них денешься?

Да зеленые крылья погон...
Вы наплюйте на сплетников,
девички.
Мы сведем с ними счета потом.
Пусть болтают,
что верить вам не во что,
что идете войной
наугад...
До свидания, девочки!
Девочки,
постарайтесь вернуться назад.

СЕРГЕЙ ОРЛОВ

* * *

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.
Ему как мавзолеей земля —
На миллион веков,
И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков.
На рыжих скатах тучи спят,
Метелицы метут,
Грома тяжелые гремят,
Ветра разбег берут.
Давным-давно окончен бой...
Руками всех друзей
Положен парень в шар земной,
Как будто в мавзолеей...

* * *

А мы такую книгу прочитали...
Не нам о недочитанных жалеть.
В огне багровом потонули дали
И в памяти остались пламенеть.

Кто говорит о песнях недопетых?
Мы жизнь свою, как песню,
пронесли...

Пусть нам теперь завидуют поэты:
Мы все сложили в жизни, что могли.

Как самое великое творенье,
Пойдет в века, переживет века
Информбюро скупое сообщенье
О путь-дороге нашего полка.

СЕРГЕЙ ОСТРОВОЙ

**ПЕСНЯ
О КРАСНОДОНЦАХ**

Кто там улицей крадется,
Кто в такую ночь не спит?
На ветру листовка бьется,
Биржа-каторга горит.

Это было в Краснодаре,
В грозном зареве войны.
Комсомольское подполье
Поднялось за честь страны.

Не найдут враги покоя,
Не опомнятся никак.

Над управой городской
Кто-то поднял красный флаг.

Сила подвига святого
Молодежь ведет всегда.
Мы Олега Кошевого
Не забудем никогда.

И сквозь дали вековые
Эту песню пронесет
Благодарная Россия
И великий наш народ.

Это было в Краснодаре,
В грозном зареве войны.
Комсомольское подполье
Поднялось за честь страны.

ЛЕВ ОШАНИН

ДОРОГИ

Эх, дороги...
Пыль да туман,
Холода, тревоги
Да степной бурьян.
Знать не можешь
Доли своей:
Может, крылья сложишь
Посреди степей.

Вьется пыль под сапогами —

степями,
полями,—

А кругом бушует пламя
Да пули свистят.

Эх, дороги...
Пыль да туман,

Холода, тревоги
 Да степной бурьян.
 Выстрел грянет,
 Ворон кружит,
 Твой дружок в бурьяне
 Неживой лежит.
 А дорога дальше мчится,
 пылится,
 клубится,

А кругом земля дымится —
 Чужая земля!
 Эх, дороги...
 Пыль да туман,
 Холода, тревоги
 Да степной бурьян.
 Край сосновый.
 Солнце встает.
 У крыльца родного
 Мать сыночка ждет.
 И бескрайними путями —
 степями,
 полями —

Все глядят вослед за нами
 Родные глаза.
 Эх, дороги...
 Пыль да туман,
 Холода, тревоги
 Да степной бурьян.
 Снег да ветер
 Вспомним, друзья.
 ...Нам дороги эти
 Позабыть нельзя.

ЕХАЛ Я ИЗ БЕРЛИНА

Ехал я из Берлина
 По дороге прямой,
 На попутных машинах
 Ехал с фронта домой.
 Ехал мимо Варшавы,
 Ехал мимо Орла —
 Там, где русская слава
 Все тропинки прошла.
 Эй, встречай,
 С победой поздравляй!
 Белыми руками
 Покрепче обнимай.

Очень дальние дали
 Мы с друзьями прошли
 И нигде не видали
 Лучше нашей земли.
 Наше солнышко краше,
 И скажу, не тая:
 Лучше девушек наших
 Нет на свете, друзья.

За весенние ночи,
 За родную страну
 Да за карие очи
 Я ходил на войну.

Вы цветите пышнее,
 Золотые края.
 Ты целуй горячее,
 Дорогая моя!

Эй, встречай,
 С победой поздравляй!
 Белыми руками
 Покрепче обнимай.

БОРИС ПАСТЕРНАК

ВЕСНА

Все нынешней весной особое.
 Живее воробьев шумиха.
 Я даже выразить не пробую,
 Как на душе светло и тихо.

Иначе думается, пишется,
 И громкою октавой в хоре

Земной могучий голос слышится
Освобожденных территорий.

Весеннее дыханье родины
Смывает след зимы с пространства
И черные от слез обводины
С заплаканных очей славянства.

Везде трава готова вылезти,
И улицы старинной Праги
Молчат, одна другой извилистей,
Но заиграют, как овраги.

Сказанья Чехии, Моравии
И Сербии с весенней негой,
Сорвавши пелену бесправия,
Цветами выйдут из-под снега.

Все дымкой сказочной подернется,
Подобно завиткам по стенам
В боярской золоченой горнице
И на Василии Блаженном.

Мечтателю и полуночнику
Москва милей всего на свете.
Он дома, у первоисточника
Всего, чем будет цвести столетье.

ГРИГОРИЙ ПОЖЕНЯН

ПОГОНЯ

Я старею, и снятся мне травы,
а в ушах то сверчки, то шмели.
Но к чему наводить переправы
на оставленный берег вдали?

Ни продуктов, ни шифра, ни грязи
не хочу ни сейчас, ни потом.

Мне сказали:

— Взорвете понтон
и останетесь в плавнях для
связи.—

...И остался один во вселенной,
прислонившись к понтону щекой,
восемнадцатилетний военный
с обнаженной гранатной чекой.
С той поры я бегу и бегу,
а за мною собаки по следу.
Все — на той стороне. Я последний
на последнем своем берегу.
И гудят, и гудят провода.
Боль стихает. На сердце покойней.
Так безногому снится погоня,
неразлучная с ним навсегда.

ЭПИЛОГ

— Вернешься — ты будешь героем,
ты будешь бессмертен, иди! —
И стало тревожно, не скрою,
и что-то кольнуло в груди,
и рухнул весь мир за плечами:
полшага вперед — и в века...
Как это не просто — в молчанье
коснуться рукой козырька,
расправить шинельные складки,
прислушаться к дальней пальбе,
взять светлую сумку взрывчатки
и тут же забыть о себе...
А почестей мы не просили,
не ждали наград за дела.
Нам общая слава России
солдатской наградой была.
Да много ли надо солдату,
что знал и печаль и успех:
по трудному счастью — на брата
да Красное знамя — на всех.

АЛЕКСАНДР ПРОКОФЬЕВ

ЛЕНИНГРАД

Ленинград, Ленинград, наисмелый
из смелых,
Величавый, суровый, кто не знает
его!
Вот он, весь заснеженный, стоит
под обстрелом,
Не сгибаясь, не дрогнув, не боясь
ничего!
Он в дыму орудийном, но взор его
ясен,
За войной и работой мы его
застаем,
Он в легендах веков несказанно
прекрасен
В несказанно великом героизме
своем!
Вкруг него непогода метелит
лихая,
Бури небо таранят, вьюги бешеной
вскрик.
И когда же он спит, плотно веки
смыкая,
Иль немного подремлет, хоть
на час, хоть на миг?
«Никогда!» — отвечаем для всех
поколений.
Так сильна его доблесть и воля
крепка,
Вот таким его создал
в семнадцатом Ленин,
И таким он проходит в века и
в века!
Смерть не властна над ним.
И злодеи не выжгут
То, что здесь Революция строит
сама,
Ленин выбрал его, непреклонного
трижды,
И теперь, как тогда,
шторм качает дома.
И теперь город в битве,
в отважном походе.

Не смыкая орлиных натруженных
глаз,
Он, сметая преграды, вновь
в бессмертие входит,
Мы -- свидетели этому.
Слава за нас!

* * *

На гвардейский корпус пал наш
выбор,
На его штыки.
И, отбив Сестру, рвались
на Выборг
Гвардии полки.
Разметав в стальном и медном
блеске
Гнев под небеса,
Шли полки, где нынче в перелесках
Тенькает коса.
Волчьи ямы, мины и траншеи,
Красный гнев, взорви!
Шли стрелки в траве, в цветах
по шее,
По приклад в крови!
Здесь в саду снаряды долго выли,
Лаял пулемет,
Этот сад наши воины отбили
И пошли вперед.
Шли, росу сбивая словно бусы,
В доли падал гром;
А один остался, самый русский,
Вон под тем холмом.

ЛЕОНИД РЕШЕТНИКОВ

НОЧНАЯ АТАКА

Прожектор, холодный и резкий,
Как меч, извлеченный из тьмы,
Сверкнул над чертой перелеска,
Помедлил и пал на холмы.

И в свете его обнаженном,
В сиянии дымном, вдали,
Лежали молчащие склоны
По краю покатой земли.

Сверкая росой нестерпимо,
Белесая, будто мертва,
За еле струящимся дымом
Недвижно стояла трава.

Вся ночь, притаившись, молчала,
Еще не настала пора.
И вдруг вдалеке зазвучало
Протяжно и тихо: «Ура-а-а!»

Как будто за сопкою дальней
Вдруг кто-то большой застонал,
И звук тот, глухой и печальный,
До слуха едва долетал.

Но ближе, все ближе по полю
Катился он. И, как игла,
Щемящая ниточка боли
Сквозь сердце внезапно прошла...

Но рядом — с хрипеньем и хрустом —
Бежали, дыша горячо,
И сам я летел через бруствер,
Вперед выдвигая плечо.

Качалась земля под ногами.
Моталась луна меж голов.
Да билось, пульсируя, пламя
На выходах черных стволов.

ДАВИД САМОЙЛОВ

СОРОКОВЫЕ

Сороковые, роковые,
Военные и фронтовые,
Где известья похоронные
И перестуки эшелонные.

Гудят накатанные рельсы,
Просторно. Холодно. Высоко.
И погорельцы, погорельцы
Кочуют с запада к востоку...

А это я на полустанке
В своей замурзанной ушанке,
Где звездочка не уставная,
А вырезанная из банки.

Да, это я на белом свете,
Худой, веселый и задорный.
И у меня табак в кисете,
И у меня мундштук наборный.

И я с девчонкой балагурю,
И больше нужного хромаю,
И пайку надвое ломаю,
И все на свете понимаю.

Как это было! Как совпало —
Война, беда, мечта и юность!
И это все в меня запало
И лишь потом во мне очнулось!..

Сороковые, роковые,
Свинцовые, пороховые...
Война гуляет по России,
А мы такие молодые!

Портретами станишников начнет
на вас глазеть.
Три самовара закипят, три лампы
зажужжат,
Три девушки наперебой вам голову
вскружат,
Покуда мать не закричит и,
взяв турецкий таз,
Как золотистого коня, не выкупает
вас.

Тамань моя, Тамань моя, форпост
моей страны!
Я полюбил в тебе уклад батальной
старины,
Я полюбил твой ветерок
военно-полевой,
Твои гортанные ручьи и гордый
говор твой.
Кавалерийская земля! Тебя
не полонить,
Хоть и бомбежкой распахать,
пехотой оборонить.
Чужое знамя над тобой,
чужая речь в дому,
Но знает враг:
никогда
не сдашься
ты ему.

Тамань моя, Тамань моя!
Весенней кутерьмой
Не рвется стриж с такой тоской
издалека домой,
С какою тянутся к тебе через
огонь и сны
Твои казацкие полки,
кубанские сыны.
Мы отстоим себя, Тамань, за то,
что ты века
Стояла грудью боевой у русского
древка;
За то, что, где бы ни дрались,
развевя чубовье,
Всегда мечтало о тебе казачество
твое;
За этот дом, за этот сад,
за море во дворе,
За этот парус на заре, за чаек
в серебре,

За смех казачек молодых,
за эти песни их,
За то, что Лермонтов бродил
на берегах твоих.

ВЛАДИМИР СЕМАКИН

* * *

Прошло не помню сколько лет
и сколько вечеров,
а все в душе не меркнет свет
мальчишеских костров.

Я с малых лет дружил с огнем
хотя бы потому,
что на рыбалке и в ночном
он гнал в овраги тьму.

А там — война.
Гудел гудок
в поселке заводском —
и я пришел на огонек,
горевший над станком.

Тот огонек был, правда, мал,
но он помог огню —
тому, который пробивал
немецкую броню.

ПОСЕЛОК

Простой барак.
 Ни сада, ни ограды.
 Невзрачное подобие жилья.
 О нем и вспоминать-то бы не надо,
 но там ютилась молодость моя.

Ей надо б жить просторнее и выше,
 и разве где-то не было домов?
 Но жил я под приземистою крышей,
 затерянной за крышами холмов.

Могло засыпать каждую минуту
 весь этот дом поземкою с горы,
 но он, как будто радуясь чему-то,
 глядел туда, где, разводя пары

и грохоча платформами, на рельсах
 пыхтел, довольный грузом, паровоз.
 Из-под брезента издали виднелся
 лишь ровный ряд резиновых колес.

Лишь ряд колес...
 А что там, под чехлами,
 чей длинный хобот замер на весу,
 не знал барак, следя за поездами,
 из виду пропадавшими в лесу.

Но мнится мне, что,
 вглядываясь в дали,
 в конце концов догадывался он,
 что мы недаром жили на Урале,
 где днем и ночью ухал полигон.

А на токарном радужная стружка
 Кудрявилась, дымясь на сквозняке.
 Еще деталь — еще готова пушка!
 И силы прибавляется в руке

от этой мысли, выплывшей внезапно
 и как-то ярко вспыхнувшей в мозгу.
 Еще одна! —
 и залпы,
 залпы,
 залпы,
 и дрогнул враг на волжском берегу!

КОНСТАНТИН СИМОНОВ

* * *

А. Суркову

Ты помнишь, Алеша, дороги
 Смоленщины,
 Как шли бесконечные злые дожди,
 Как кринки несли нам усталые
 женщины,
 Прижав, как детей, от дождя их
 к груди.

Как слезы они вытирали украдкой,
 Как вслед нам шептали:
 «Господь вас спаси!»
 И снова себя называли солдатками,
 Как встарь повелось на великой
 Руси...

Слезами измеренный чаще,
 чем верстами,
 Шел тракт, на пригорках скрываясь
 из глаз:
 Деревни, деревни, деревни
 с погостами,
 Как будто на них вся Россия
 сошлась.

Как будто за каждую русской
 околицей,
 Крестом своих рук ограждая живых,
 Всем миром сойдясь, наши прадеды
 молятся
 За в бога не верящих внуков своих.

Ты знаешь, наверное, все-таки
 родина —
 Не дом городской,
 где я празднично жил,
 А эти проселки, что дедами
 пройдены,
 С простыми крестами их русских
 могил.

Не знаю, как ты, а меня
 с деревенскою
 Дорожной тоской от села до села,
 Со вдовьей слезою и песнею
 женскою
 Впервые война на проселках свела.
 Ты помнишь, Алеша:
 изба под Борисовом,
 По мертвому плачущий девичий
 крик,
 Седая старуха в салопчике
 пливомом,
 Весь в белом, как на смерть
 одетый, старик.

Ну, что им сказать, чем утешить
 могли мы их?
 Но, горе поняв своим бабьим
 чутьем,
 Ты помнишь, старуха сказала:
 «Родимые,
 Покуда идите, мы вас подождем».
 «Мы вас подождем!»— говорили
 нам пажити.
 «Мы вас подождем!»—
 говорили леса.
 Ты знаешь, Алеша, ночами мне
 кажется,
 Что следом за мной их идут голоса.

По русским обычаям, только
 пожарища
 На русской земле раскидав позади,
 На наших глазах умирают товарищи,
 По-русски рубаху рванув на груди.

Нас пули с тобою пока еще милуют.
 Но, трижды поверив, что жизнь
 уже вся,
 Я все-таки горд был за самую
 милую,
 За русскую землю, где я родился.

За то, что на ней умереть мне
 завещано,
 Что русская мать нас на свет
 родила,
 Что, в бой провожая нас, русская
 женщина
 По-русски три раза меня обняла.

* * *

В. С.

Жди меня, и я вернусь,
 Только очень жди,
 Жди, когда наводят грусть
 Желтые дожди,
 Жди, когда снега метут,
 Жди, когда жара,
 Жди, когда других не ждут,
 Позабыв вчера.
 Жди, когда из дальних мест
 Писем не придет,
 Жди, когда уж надоест
 Всем, кто вместе ждет.

Жди меня, и я вернусь,
 Не желай добра
 Всем, кто знает наизусть,
 Что забыть пора.
 Пусть поверят сын и мать
 В то, что нет меня,
 Пусть друзья устанут ждать,
 Сядут у огня,
 Выпьют горькое вино
 На помин души...
 Жди. И с ними заодно
 Выпить не спеши.

Жди меня, и я вернусь
 Всем смертям назло.
 Кто не ждал меня, тот пусть
 Скажет: «Повезло».
 Не понять неждавшим им,
 Как среди огня
 Ожиданием своим
 Ты спасла меня.
 Как я выжил, будем знать
 Только мы с тобой,—
 Просто ты умела ждать,
 Как никто другой.

* * *

Я не помню, сутки или десять
 Мы не спим, теряя счёт ночам.
 Вы в похожей на Мадрид Одессе
 Пожелайте счастья москвичам.

Я был политрабатником. Три года —
Сорок второй и два еще потом.

Политработа — трудная работа.
Работали ее таким путем:
Стою перед шеренгами неплотными,
Рассеянными час назад
в бою,
Перед голодными,
перед холодными,
Голодный и холодный.
Так!
Стою.

Им хлеб не выдан,
им патрон недодано.
Который день поспать им не дают.
И я напоминаю им про родину.
Молчат. Поют. И в новый бой идут.
Все то, что в письмах им писали
из дому,
Все то, что в песнях с их
судьбой сплелось,
Все это снова, заново и сызнова,
Коротким словом — родина —
звалось.

Я этот день,
Вспоминанье это,
Как справку
собираюсь предъявить,
Затем,
чтоб в новой должности —
поэта —
От имени России
говорить.

ЯРОСЛАВ СМЕЛЯКОВ

* * *

Вот опять ты мне вспомнилась,
мама,
и глаза твои, полные слез,
и знакомая с детства панاما
на венке поредевших волос.

Оттеняет терпенье и ласку,
потемневшая в битвах Москвы,
материнского воинства каска —
украшенье седой головы.

Все стволы, что по русским
стреляли,
все осколки чужих батарей
неизменно в тебя попадали,
застревали в одежде твоей.

Ты заштопала их, моя мама,
но они все равно мне видны,
эти грубые длинные шрамы —
беспощадные метки войны...

Дай же, милая, я поцелую,
от волненья дыша горячо,
эту бедную прядку седую
и задетое пулей плечо.

В дни, когда из окошек вагонных
мы глотали движения дым
и считали свои перегоны
по дорогам к окопам своим,

как скульптуры из ветра и стали,
на откосах железных путей
днем и ночью бессменно стояли
батальоны седых матерей.

Я не знаю, отличья какие,
не умею я вас разделять:
ты одна у меня, как Россия,
милосердная русская мать.

Это слово протяжно и кратко
произносят на весах родных
и младенцы в некрепких кроватках,
и солдаты в могилах своих.

Больше нет и не надо разлуки,
и держу я в ладони своей
эти милые трудные руки,
словно руки России моей.

СЕРГЕЙ СМИРНОВ

ОБРАТНЫЙ ПУТЬ

Гремит железо третьи сутки.
Вагоны ходят ходуном.
И вдруг смолкают смех и шутки...
«Друзья,
Россия за окном!»

Полей величие немое,
Река. Село на берегу...
Не здесь ли памятной зимою
Мы жили в пепельном снегу?

...Нам старшина поднес по чарке.
Бутылъ пуста в его руке.
Поет гармонь московской марки
О Волге-матушке реке.

И поезд, скорость набирая,
Бросает дым на грудь земли.
И нет земле конца и краю...
А мы ее

пешком
прошли!

ШИПОВНИК

У пыльной военной дороги
Мы сделали краткий привал.
Горели усталые ноги.
В кустах соловей бушевал.

Мы сердцем ему подпевали
В минуту блаженную ту.
И я увидал на привале
Шиповник — в росе и цвету.

Войны беспощадная сила,
Как видно, в последнем бою
Все корни ему подкосила,
Замяла в свою колею.

Но, словно назло этой силе,
Шиповник поднялся с земли,
Зацвел, отряхнулся от пыли,
Чтоб все это видеть могли...

...Когда мне действительно тяжело
В недоброй чужой стороне,
Когда прилипает рубашка
К усталым плечам и спине, —
За дымом,
За пылью летучей,
За далью, во всю широту
Я вижу
Упрямый, колючий
Шиповник в росе и цвету!

АНАТОЛИЙ СОФРОНОВ

БЕССМЕРТНИК

Спустился на степь предвечерний
покой,
Багряное солнце за тучами
меркнет...
Растет на кургане
над Доном-рекой
Суровый цветок — бессмертник.

Как будто из меди его лепестки,
И стебель свинцового цвета...
Стоит на кургане у самой реки
Цветок, не сгибаемый ветром.

С ним рядом на гребне кургана
лежит
Казак молодой, белозубый,
И кровь его темною струйкой бежит
Со лба на холодные губы.

Хотел ухватиться за сизый ковыль
Казак перед самою смертью,
Да все было смято, развеяно
в пыль,
Один лишь остался бессмертник.

С ним рядом казак на полоске
земли
С разбитым лежит пулеметом;
И он не ушел, и они не ушли —
Полроты фашистской пехоты.

Чтоб смерть мог казак молодой
пережить
И в памяти вечной был светел,
Остался бессмертник его
сторожить —
Суровой победы свидетель.

Как будто из меди его лепестки,
И стебель свинцового цвета...
Стоит на кургане у самой реки
Цветок, не сгибаемый ветром.

**ШУМЕЛ СУРОВО
БРЯНСКИЙ ЛЕС**

Шумел сурово Брянский лес,
Спускались синие туманы,
И сосны слышали окрест,
Как шли на битву партизаны.

Тропою тайной меж берез
Спешили делями густыми,
И каждый за плечами нес
Винтовку с пулями литыми.

В лесах врагам спасенья нет:
Летят советские гранаты,
И командир кричит им вслед:
«Громи захватчиков, ребята!»

Шумел сурово Брянский лес,
Спускались синие туманы,
И сосны слышали окрест,
Как шли с победой партизаны.

НИКОЛАЙ СТАРШИНОВ

* * *

Ракет зеленые огни
По бледным лицам полоснули.
Пониже голову пригни
И, как шальной, не лезь под пули.

Приказ: «Вперед!»
Команда: «Встать!»
Опять товарища бужу я,
А кто-то звал родную мать,
А кто-то вспоминал — чужую.

Когда, нарушив забытье,
Орудия заголосили,
Никто не крикнул: «За Россию!..»
А шли и гибли
За нее.

* * *

Зловещим заревом объятый,
Грохочет дымный небосвод.
Мои товарищи — солдаты
Идут вперед
За взводом взвод.

Идут, подтянуты и строги,
Идут, скупые на слова.
А по обочинам дороги
Шумит листва,
Шуршит трава.

И от ромашек-тонконожек
Мы оторвать не в силах глаз.
Для нас,
Для нас они, быть может,
Цветут сейчас
В последний раз.

И вдруг (неведомо откуда
Попав сюда, зачем и как)
В грязи дорожной —
Просто чудо! —
Пятак.

Из желтоватого металла.
Он, как сазанья чешуя,
Горит,
И только обметало
Зеленой окисью края.

А вот — рубли в траве примятой!
А вот еще... И вот, и вот...
Мои товарищи — солдаты
Идут вперед
За взводом взвод.

Все жарче вспышки полыхают.
Все тяжелее пушки бьют...
Здесь ничего не покупают
И ничего не продают.

ВАСИЛИЙ СУББОТИН

30 АПРЕЛЯ 1945 ГОДА

Провал окна. Легла на мостовую
Тень, что копилась долго во дворе.
Поставлены орудья напрямую,
И вздрагивает дом на пустыре...

Завален плац обломками и шлаком,
Повисли рваных проводов концы.
На этот раз в последнюю атаку
Из темных окон прыгают бойцы.

БРАНДЕНБУРГСКИЕ ВОРОТА

Не гремит колесница войны.
Что же вы не ушли от погони,
Наверху бранденбургской стены
Боевые немецкие кони?

Вот и арка. Проходим под ней,
Суд свершив справедливый
и строгий.
У надменных державных коней
Перебиты железные ноги.

ЭПИЛОГ

Курганы щебня, горы кирпича,
Архивов важных — драная бумага.
Горит пятно простого кумача
Над обнаженным куполом рейхстага.

Весь город будто кратера нутро.
Мы в нем пока, как посреди арены.
Лишь именами грозными хитро
Испещрены задымленные стены.

А первый, озаренный флагом тем,
Сумел остаться неизвестным свету,
Как мужество, что мы явили
всем,—
Ему еще названья тоже нету.

ГЕОРГИЙ СУВОРОВ¹

* * *

Еще утрами черный дым клубится
Над развороченным твоим жильем.
И падает обугленная птица,
Настигнутая бешеным огнем.

Еще ночами белыми нам снятся,
Как вестники потерянной любви,
Живые горы голубых акаций
И в них восторженные соловьи.

Еще война. Но мы упрямо верим,
Что будет день — мы выпьем боль
до дна.
Широкий мир нам вновь раскроет
двери,
С рассветом новым встанет тишина.

Последний враг. Последний меткий
выстрел.
И первый проблеск утра,
как стекло.
Мой милый друг, а все-таки как
быстро,
Как быстро наше время протекло!

В воспоминаньях мы тужить
не будем,
Зачем туманить грустью ясность
дней.
Свой добрый век мы прожили как
люди —
И для людей...

¹ Георгий Суворов участвовал в боях по прорыву блокады Ленинграда, погиб при переправе через Нарову в 1944 году.

АЛЕКСЕЙ СУРКОВ

* * *

Подошла война к Подмосковию.
Ночь в накале зарев долга.
Будто русской жертвенной кровью
До земли намокли снега.

По дорогам гремят тачанки,
Эскадроны проходят вскачь,
Приготовились к бою танки
Возле стен подмосковных дач.
Стук подков на морозе четче.
В пар укутан блиндажный лаз.
У околицы пулеметчик
С темной рощи не сводит глаз.

Будто руки окаменели,
Будто вкопан он в грунт, во рву...
Этот парень в серой шинели
Не пропустит врага в Москву...

* * *

Курганами славы покрыта родная
равнина.
И Днепр, и Морана, и Висла,
и Волга-река.
Ты лжешь, чужеземец,
что медленна кровь славянина,
Что в грозные годы душа славянина
кротка.

От нас убегали монгольские орды
Мамая.
Солдат Бонапарта мы в наших
снегах погребли.
На полчища Гитлера кованый меч
поднимая,
Мы грудью прикрыли просторы
славянской земли.

От Волги и Дона до Савы, Моравы
и Дравы
Коврами цветов мы над пеплом
покроем луга.
Могилы славян вознесутся
курганами славы,
И пахаря плуг разровняет могилы
врага.

* * *

Софье Криве

Бьется в тесной печурке огонь.
На поленьях смола, как слеза,
И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.

Про тебя мне шептали кусты
В белоснежных полях под Москвой.
Я хочу, чтобы слышала ты,
Как тоскует мой голос живой.

Ты сейчас далеко-далеко.
Между нами снега и снега.
До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти — четыре шага.

Пой, гармоника, вьюге назло,
Заплутавшее счастье зови.
Мне в холодной землянке тепло
От моей негасимой любви.

ФЕДОР СУХОВ

* * *

В бою под Орлом, под Варшавой,
В жестоком огне батарей
Я чувствовал слева и справа
Поддержку окопных друзей.

И видел, как кто-то смелее
И старше намного меня,
Себя самого не жалея,
Шел прямо под ливень огня.

Тогда я узнал, что такое
Священный, почетнейший долг.
— За мною! — взмахнувши рукою,
Скомандовал громко парторг.

И как бы там смерть ни косила,
И что б ни грозило вдали,
Земная партийная сила
Меня поднимала с земли.

На трудном пути каменистом
Смотрел я вперед, а не вниз,—
И стал потому коммунистом,
Что вел меня в бой коммунист.

МАТЬ

Увидела. Припомнила. Узнала.
— Надолго ли?
— Да с месяц поживу.
— А мой Володька...—

И не удержалась,
Слезой горючей
Пала на траву.

Ну что сказать ей?
Ничего не скажешь.
С опущенной стою я головой.
Как будто без оружия, без каски
Позорно
Убежал с передовой.

И в самом деле,
По весне, по маю
К черемуховой белой тишине
Который раз домой я приезжаю,
А сын ее
Все где-то на войне...

АЛЕКСАНДР ТВАРДОВСКИЙ

Я УБИТ ПОДО РЖЕВОМ

Я убит подо Ржевом,
В безыменном болоте,
В пятой роте, на левом,
При жестоком налете.

Я не слышал разрыва,
Я не видел той вспышки,—
Точно в пропасть с обрыва —
И ни дна ни покрывки.

И во всем этом мире,
До конца его дней,
Ни петлички, ни лычки
С гимнастерки моей.

Я — где корни слепые
Ищут корма во тьме;
Я — где с облачком пыли
Ходит рожь на холме;

Я — где крик петушинный
На заре по росе;
Я — где ваши машины
Воздух рвут на шоссе;

Где травинку к травинке
Речка травы прядет,—
Там, куда на поминки
Даже мать не придет.

Подсчитайте, живые,
Сколько срока назад
Был на фронте впервые
Назван вдруг Сталинград.

Фронт горел не стихая,
Как на теле рубец.
Я убит и не знаю:
Наш ли Ржев наконец?

Удержались ли наши
Там, на среднем Дону?..
Этот месяц был страшен,
Было все на кону.

Неужели до осени
Был за ним уже Дон,
И хотя бы колесами
К Волге вырвался он?

Нет, неправда. Задачи
Той не выиграл враг!
Нет же, нет! А иначе
Даже мертвому — как?

И у мертвых, безгласных,
Есть отрада одна:
Мы за Родину пали,
Но она — спасена.

Наши очи померкли,
Пламень сердца погас,
На земле на поверке
Выкликают не нас.

Нам свои боевые
Не носить ордена.
Вам — все это, живые,
Нам — отрада одна:

Что недаром боролись
Мы за родину-мать.
Пусть не слышен наш голос,—
Вы должны его знать.

Вы должны были, братья,
Устоять, как стена,

Ибо мертвых проклятье —
Эта кара страшна.

Это грозное право
Нам навеки дано,—
И за нами оно —
Это горькое право.

Летом, в сорок втором,
Я зарыт без могилы.
Всем, что было потом,
Смерть меня обделила.

Всем, что, может, давно
Вам привычно и ясно,
Но да будет оно
С нашей верой согласно.

Братья, может быть, вы
И не Дон потеряли,
И в тылу у Москвы
За нее умирали.

И в заволжской дали
Спешно рыли окопы,
И с боями дошли
До предела Европы.

Нам достаточно знать,
Что была, несомненно,
Та последняя пядь
На дороге военной.

Та последняя пядь,
Что уж если оставить,
То, шагнувшую вспять,
Ногу некуда ставить.

Та черта глубины,
За которой вставало
Из-за вашей спины
Пламя кузниц Урала.

И врага обратили
Вы на запад, назад.
Может быть, побратимы,
И Смоленск уже взят?

И врага вы громите
На ином рубеже,
Может быть, вы к границе
Подступили уже!

Может быть... Да исполнится
Слово клятвы святой! —
Ведь Берлин, если помните,
Назван был под Москвой.

Братья, ныне поправшие
Крепость вражьей земли,
Если б мертвые, павшие,
Хоть бы плакать могли!

Если б залпы победные
Нас, немых и глухих,
Нас, что вечности преданы,
Воскрешали на миг, —

О, товарищи верные,
Лишь тогда б на войне
Ваше счастье безмерное
Вы постигли вполне.

В нем, том счастье, бесспорная
Наша кровная часть,
Наша, смертью оборванная,
Вера, ненависть, страсть.

Наше все! Не слукавили
Мы в суровой борьбе,
Все отдав, не оставили
Ничего при себе.

Все на вас перечислено
Навсегда, не на срок.
И живым не в упрек
Этот голос наш мыслимый.

Братья, в этой войне
Мы различья не знали:
Те, что живы, что пали, —
Были мы наравне.

И никто перед нами
Из живых не в долгу,
Кто из рук наших знамя
Подхватил на бегу.

Чтоб за дело святое,
За Советскую власть
Так же, может быть, точно
Шагом дальше упасть.

Я убит подо Ржевом,
Тот еще под Москвой.

Где-то, войны, где вы,
Кто остался живой?

В городах миллионных,
В селах, дома в семье?
В боевых гарнизонах
На не нашей земле?

Ах, своя ли, чужая,
Вся в цветах иль в снегу...
Я вам жить завещаю, —
Что я больше могу?

Завещаю в той жизни
Вам счастливыми быть
И родимой Отчизне
С честью дальше служить.

Горевать — горделиво,
Не клонясь головой,
Ликовать — не хвастливо
В час победы самой.

И беречь ее свято,
Братья, счастье свое —
В память воина-брата,
Что погиб за нее.

* * *

Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли
с войны.
В том, что они — кто старше,
кто моложе —
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел
сберечь, —
Речь не о том, но все же, все же,
все же...

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

1919—1941

1

Я помню ту осень и стужу,
Во мраке бугры баррикад,
И отблеск пожарища в лужах,
И грозный, как ночь, Петроград!

И в ночь уходили мужчины
С коротким приказом: вперед!
Без песен, без слов, без кручины
Шел питерский славный народ.

И женщины рыли толпою
Окопы, о близких шепча,
Лопатой и ржавой киркою
В тяжелую землю стуча.

У них на ладонях темнели
Кровавых мозолей следы,
Но плакать они не умели —
Как были те люди горды!

И как говорили без дрожи:
«Умрем — не отступим назад.
Теперь он еще нам дороже,
Родной, боевой Петроград!

За каждый мы камень сразимся,
Свой город врагу не сдадим...»
И теми людьми мы гордимся —
Как лучшим наследьем своим!

2

Враг снова у города кружит,
И выстрелы снова звучат,
И снова сверкает оружие
В твоих августовских ночах.

И снова идут ленинградцы,
Как двадцать два года назад,

В смертельном сраженьи сражаться
За свой боевой Ленинград.

Их жены, подруги и сестры
В полдневный, в полуночный час
Киркой и лопатой острой
В окопную землю стучат.

Друзья, земляки дорогие!
Боев наших праведный труд,
И рвы, для врага роковые,
В народную память войдут.

Так пусть от истока до устья
Невы пронесется, как гром:
«Умрем, но врага не пропустим
В наш город, в родимый наш дом!»

ВЛАДИМИР ТУРКИН

В ОКОПЕ

В песке лицо. Лопатка. Я.
И никого живого кроме.
Но вижу, как на муравья
С виска упала капля крови.

Солдаты мстят. А я — солдат.
И если я до мести дожил,
Мне нужно двигаться. Я должен.
За мной убитые следят.

ИОСИФ УТКИН

ЕСЛИ Я НЕ ВЕРНУСЬ, ДОРОГАЯ...

Если я не вернусь, дорогая,
Нежным письмам твоим не внемля,
Не подумай, что это — другая,
Это значит — сырая земля.

Это значит — дубы-нелюдимы
Надо мною грустят в тишине.
А такую разлуку с любимой
Ты простишь вместе с Родиной мне.

Только вам я всем сердцем
и внемлю.
Только вами я счастлив и был:
Лишь тебя и родимую землю
Я всем сердцем, ты знаешь, любил.

И доколе дубы-нелюдимы
Надо мной не склоняются, дремля,
Только ты мне и будешь любимой,
Только ты да родная земля!

ПЕЙЗАЖ

Полей предвечерняя небыль,
Похода размеренный шаг,
Пыля, пробирается в небо
Войны бесконечный большак.

Белеет старинная церковь
Над тихой и мирной рекой,
На куполе медленно меркнет
Степного заката покой.

Но с мирной природою в споре,
Как грозного времени тень,
Чернеет народное горе
Спаленных войной деревень.

Чернеет и справа и слева...
И слышно, как там, впереди,
Огонь орудийного гнева
Гудит у России в груди!

АЛЕКСЕЙ ФАТЬЯНОВ

СОЛОВЬИ

Пришла и к нам на фронт весна,
Солдатам стало не до сна,—
Не потому, что пушки бьют,
А потому, что вновь поют,
Забыв, что здесь идут бои,
Поют шальные соловьи.

Соловьи, соловьи, не тревожьте
солдат,
Пусть солдаты немного поспят!..

Но что война для соловья —
У соловья ведь жизнь своя.
Не спит солдат, припомнив дом
И сад зеленый над прудом,
Где соловьи всю ночь поют.
А в доме том солдата ждут.

Соловьи, соловьи, не тревожьте
солдат
Пусть солдаты немного поспят!..

Ведь завтра снова будет бой.
Уж так назначено судьбой,
Чтоб нам уйти, недолюбив,
От наших жен, от наших нив.

Давай закурим
по одной!
Давай закурим,
товарищ мой.

А когда не будет немцев тут
в помине
и к своим любимым мы придем
опять,
вспомним, как на запад шли
по Украине,—
эти дни когда-нибудь мы будем
вспоминать.

ВАДИМ ШЕФНЕР

ЗЕРКАЛО

Как бы ударом страшного тарана
Здесь половина дома снесена,
И в облаках морозного тумана
Обугленная висится стена.

Еще обои порванные помнят
О прежней жизни, мирной и
простой,
Но двери всех обрушившихся
комнат,
Раскрытые, висят над пустотой.

И пусть я все забуду остальное —
Мне не забыть, как, на ветру
дрожа,
Висит над бездной зеркало стенное
На высоте шестого этажа.

Оно каким-то чудом не разбилось.
Убиты люди, стены сметены,—
Оно висит, судьбы слепая милость,
Над пропастью печали и войны.

Свидетель довоенного уюта,
На сыростью изъеденной стене
Тепло дыханья и улыбку чью-то
Оно хранит в стеклянной глубине.

Куда ж она, неведомая, делась,
Иль по дорогам странствует каким
Та девушка, что в глубь его
гляделась
И косы заплетала перед ним?..

Быть может, это зеркало видало
Ее последний миг, когда ее
Хаос обломков камня и металла,
Обрушась вниз, швырнул в небытие.

Теперь в него и день и ночь
глядится
Лицо ожесточенное войны.
В нем орудийных выстрелов зарницы
И зарева тревожные видны.

Его теперь ночная душит сырость,
Слепят пожары дымом и огнем.
Но все пройдет. И, что бы
ни случилось,—
Враг никогда не отразится в нем.

22 ИЮНЯ

Не танцуйте сегодня, не пойте.
В предвечерний задумчивый час
Молчаливо у окон по стойте,
Вспоминайте погибших за нас.

Там, в толпе, среди любимых,
влюбленных,
Среди веселых и крепких ребят,
Чьи-то тени в пилотках зеленых
На окраины молча спешат.

Им нельзя задержаться, остаться —
Их берет этот день навсегда,
На путях сортировочных станций
Им разлуку трубят поезда.

Была б кошунственной моя
Тоскливая строка
О том, что вот старею я,
Что, может, смерть близка.

Я мог давно не жить уже:
В бою, под свист и вой,
Мог пасть в соленом Сиваше
Иль где-то под Уфой.

Но там упал ровесник мой.
Когда б не он, как знать,—
Вернулся ли бы я домой
Обнять старуху мать.

Кулацкий выстрел, ослепив,
Жизнь погасил бы враз,
Но был не я убит в степи,
Гдеobelisk сейчас.

На подвиг вновь звала страна.
Солдатский путь далек.
Изрыли бомбы дочерна
Обочины дорог.

Я сам воочью смерть видал.
Шел от воронок дым.
Горячим запахом металл
Запомнился живым.

Но все ж у многих на войне
Был тяжелее путь,
И Черняховскому — не мне
Пробил осколок грудь.

Не я — в крови, полуживой,
Растерзан и раздет —
Молчал на пытках Кошевой
В свои шестнадцать лет.

Пусть всех имен не назову,
Нет кровнее родни.
Не потому ли я живу,
Что умерли они?

Чем им обязан — знаю я.
И пусть не только стих,
Достойна будет жизнь моя
Солдатской смерти их.

АЛЕКСАНДР ЯШИН.

ДАЛЕКИЕ ПОХОДЫ

Желтые дороженьки,
Далекие походы.
Ноженьки вы, ноженьки,
Ботинки-скороходы.

Дубленые, солдатские,—
Шнурки в пыли багровой,
Подошвы ленинградские,
Уральские подковы.

Низы, лощины грязные,
Болото на болоте,
Завалы непролазные,—
А вы себе идете!

А вы себе шагаете
И удержу не знаете,
И горы вам не горы,
Озера не озера.

Дорог и троп исхожено —
Самим не надивиться!
Но нам было положено
Пройти по заграницам,

Сломить врага, пробиться
До вражеской столицы,
Чтоб воздухом свободы
Вздохнули все народы.

Над Польшей, над Румынией
Все шире небо синее.
Встречали нас со славою
Юнаки Югославии...

ВИКТОР АВДЕЕВ

МОЕ СОВЕРШЕННОЛЕТИЕ

Мне восемнадцать было под
 Москвой...
 Сухих ветвей обугленные плети
 Болтались на ветру. И все на
 свете,
 Казалось, брошено вниз головой.
 Был черен снег. Враг прямо
 в сердце метил,
 Но я и оглушенным был живой...
 Так начиналось совершеннолетье,
 Мне восемнадцать было под
 Москвой.

В разгаре девятнадцатой весны —
 Судьба России, камни Сталинграда.
 Могли ли отступить мы, если рядом
 Тела однополчан погребены?
 Не знали мы, что город был

закатом
 Фашистских орд, закатом всей
 войны...
 Я жить хотел — и верным был
 солдатом
 В разгаре девятнадцатой весны.

Двадцатилетье. Курская дуга —
 Как радуга из подвигов и славы.
 Налево — Курск, Орел в дыму —
 направо,
 Здесь враг впервые «тиграми»
 пугал.

Прибита рожь к земле дождем
 кровавым.
 Свинцовый дым распластан
 на лугах.
 Не знаю, есть ли в мире крепче
 сплавы —
 Двадцатилетье, Курская дуга.

Приказы Родины. Ищите в них
 Мой первый год из третьего
 десятка.

Ветрами раздувало плащ-палатку,
 Встал вновь на место пограничный
 штык.

Как сто пудов — саперная лопатка.
 Приказы Родины — вот мой дневник.
 Хотите, назову их по порядку?
 Они дороже мне настольных книг.

Мне было под Берлином двадцать
 два.

Победой шелестели дни апреля,
 В последний раз под лезвием
 шрапнели

Подрезанная падала листва,
 Брели понуро немцы по панели,
 Приподнялась над бруствером трава.
 И мы к параду чистили шинели...
 Мне было под Берлином двадцать
 два.

ГАЛИНА БЕДНОВА

ДОМ ПАВЛОВА

Стояли насмерть русские бойцы
 В сплошном огне и без воды
 во фляге.

А ветер разносил во все концы
 Предсмертный крик и крик «ура!»
 в атаке.

Над Волгой непрерывный взрыв и
 гром,

И страшен враг, звереющий
 в бессилье.

Но разве можно взять обычный дом,
 В котором поместилась вся
 Россия?!

В кубанских плавнях,
в сталинградской дали
Нам все твердило сердце — к ней
иди!

И если карта, спутник этих лет,
В руках была, — высматривали лица
Не сколько километров к дому,
нет,
А сколько их осталось
до границы!..

АНАТОЛИЙ ГОЛОВКОВ

**ПОЭЗИЯ МОЯ,
ТЫ — ИЗ ОКОПА**

Поэзия моя, ты — из окопа,
Еще тогда, солдату жизнь храня,
Блеснула мне: смотри, мол, парень
в оба,
Чем и спасла от снайпера меня.
И знак мне твой все светит,
издалека,
Но чей еще оптический прицел
Ты выдашь вдруг, сверкнув
в мгновенье ока,
Чтоб я остался невредим и цел?
Ведь с той поры войны непозабывтой
Поверил я и буду верить впредь
В то, что, пока я под твоей
защитой,
Я не имею права умереть!..

* * *

Ах, эта молодость моя,
Короче летней ночи.
Мне б слушать трели соловья,
А мать: «Прощай, сыночек».

Бедой захлестнута страна,
Пылит на марше рота.
Легла на плечи мне война
Стволом от миномета.

Шинелька — мой матрац и плед,
Она же — и подушка,
Под боком в восемнадцать лет —
Железная подружка.

Солдаты верстам счет вели,
Вдыхая в передышках
Кто помоложе — о любви,
Постарше — о детишках.

И я всем сердцем об одном —
О маме да о маме,
Хотя считался стариком,
Испытанным боями.

* * *

Луна военных лет
Висела дополнительной
Ракетой осветительной,
Струя мертвящий свет.

Заемные лучи
Литого полушария
По нашим лицам шарили
В сентябрьской ночи.

Разведчики клялись,
Что эта тьмы попутчица —
Фашистская лазутчица,
Заброшенная ввысь.

Как будто бы под ней
Мы и не шли с любимыми
Проселками, ложбинами,
Держась где посветлей.

Как будто не она
 Любовью нам маячила...
 Да все переиначила
 По-своему война.

* * *

Вот и сбилось: лицом к рассвету.
 К родному дому, налегке,
 Я победителем приеду
 В привычном вам товарняке.

Перед глазами — всходы, всходы
 Полей, плывущих на закат,
 А за спиной четыре года —
 Бои, окопы, медсанбат.

В напоре звона, ветра, света
 Обдаст вдруг душу холодком:
 Как мог ты вынести все это,
 Во что и верится с трудом?

Как удалось холмы и спуски,
 В полях таившуюся смерть
 Пешком, а то и по-пластунски
 За метром метр преодолеть?

* * *

Я не думал, что с войны приду
 К ивами накрытому пруду
 С утками, плывущими неслышно.
 В тишину из грохота боев,
 В это утро вешних соловьев,
 Пахнущее лепестками вишни.

Между тьмой и светлою весной,
 Отдаляя мир, передо мной
 Порохом, окопами и прахом
 Встала, может быть, не вся война,
 Лишь одна последняя стена,
 Та, что называется рейхстагом...

ЕВГЕНИЙ ЗИБОРОВ

В ПОЛНОЧЬ

Опять сигнальная ракета
 Жар-птицей взмыла в небосвод.
 И снова вздрогнула планета.
 И в ночь уходит разведвзвод.

Глядит сквозь мрак луна рябая,
 Как исполошенно, наугад
 Бьют пулеметы, осыпая
 Листвою срезанной солдат.

Гремят за лесом батареи,
 И на холме горят кусты.
 А нам добраться бы скорее
 До этой самой высоты.

Всего каких-то двести метров
 Ничейной выжженной земли,
 И от победы, и от смерти
 Нас отделяя, залегли...

Но мы не думаем об этом.
 Идем, молчание храня.
 И пахнут травы знойным летом,
 И гулко охает война.

Мы знаем — солнце скоро встанет,
 Нальется светом небосвод,
 И кто останется — помянет
 Ушедший в полночь разведвзвод.

* * *

Апрель тревожил нас недаром.
 Ужель пришел конец пути?
 Берлин, охваченный пожаром,
 Сутулит кирхи впереди.
 Глядим в прицел сквозь
 перекрестье,
 Чуть-чуть туманятся глаза...

(Виной тому — признаюсь честно —
Солдатской радости слеза.)

В огне не знающие брода,
Под градом вражьиx, бомб и мин
Мы шли к тебе четыре года...
Так отвечай за все,
Берлин!

НИКОЛАЙ ЗУСИК

* * *

Я сеял хлеб... Я набивал патроны
В холодный диск. И, не бряцая
Бил по врагу с выcотки зря,
укрепленной.

Вгоняя в жар железо «дегтяря».
Но сеять хлеб и подбирать
колосья,

Подолгу мысль томить в карандаше
И поднимать хмельной стакан
в честь гостя
Мне было в жизни больше по душе.

Порой душа от накипи старела
И молодела, одолев предел...
Ей до всего на свете было дело,
Хоть знала: всех не переделать
дел.

По сути же, весь век одно ей надо,
Свершающей посильные дела,
Чтобы ее забота и отрада,
Земля, не увядала, а цвела.

ПУТЬ

Еще в давно минувшем сорок пятом,
В пути домой из сопредельных
стран,
Досрочно возмужавшего солдата
Сопровождало слово «ветеран».

В дыму годов и лязге пятилеток
Мы стали ветеранами труда.
И дух наш бодр и по-солдатски
крепок,
Но силы не такие, как тогда...

Бестрепетно, когда плывут туманы
Над слякотью заезженных дорог,
По одному уходят ветераны
По целине в последний
марш-бросок...

Еще неотрешенными глазами
Оглядывая мирный отчий край,
Товарищи, я следую за вами
И потому не говорю «прощай».

СНЫ

Война... и под набрякшим небом,
Уже не мысля ни о чем,
Давлюсь холодной пайкой хлеба
Я над блокадным котелком...

Опять мне снится Пискаревка,
И снизу вижу я потом,
Как погребальная веревка
Еще колеблется над рвом...

Не караван снятся хлеба,
Не колосистые поля,
А та, засеянная с неба,
Вся в ржавых брустверах земля.

Не снятся мне друзья живые,
С кем я лишения забыл,
А снятся вечно молодые,
С кем только смерть не разделил...

ИГОРЬ ИВАНОВ

* * *

Штыки от стужи побелели,
Снега мерцали синевой.
Мы, в первый раз надев шинели,
Сурово бились под Москвой.

Безусые, почти что дети,
Мы знали в яростный тот год,
Что вместо нас
никто на свете
За этот город не умрет.

ЮРИЙ КУЛИКОВ

* * *

Мне каждый вечер
В запертые двери
Из тех времен несутся голоса.
Меня зовут на тот далекий берег
Сырые белорусские леса.
Там росчерком тревожным
И багровым
Встает ракеты дымная звезда.
Там переправу каждый вечер снова
Наводят, как в минувшие года.

Понтон колышется, теряя силы,
Уходит вниз, под тяжестью брони,
И стелет танк по мокрому настилу
Голубоватых выхлопов огни.
И снова в воду прыгают саперы,
Христом и богом надрывая грудь,
Чтобы пробоин рваные зазоры
Хоть на минуту ватником заткнуть.
Чтоб прошлое не разминулось

с нами

На ледяных космических ветрах,
Солдаты безымянными плечами
Удерживают бревна переправ.

* * *

Отгремела передовая.
Все потери в земле зарыв,
На ходу в строю засыпая,
Батальоны вошли в прорыв.
За спиною во мраке тонет
Обороны зигзаг крутой.
Ветер жесткий поземку гонит
По окопам передовой,
По нейтральной земле изрытой,
Где оглохшие от пальбы
Промерзают, насквозь пробиты,
Обгорелых «пантер» гробы,
И дрожит сквозь метельный полог
В ледяном провале ночи
Одинокой звезды осколок
Поминальным огнем свечи.

* * *

С экрана в зал ломились танки,
Всей бутафорией своей
Глуша остаток перебранки
Опаздывающих у дверей.
Через восторги детских кресел
Катился вал огня, смертей,
И весь экран был мал и тесен
Для воинских кинострастей.
А ты, забывшись, издалека,
Как будто бы со стороны,
Увидел свой окоп глубокий,

ЛИЦОМ К ПОБЕДЕ

С военным грузом на плечах.
В поту до мыла.
И тяжелел за шагом шаг,
А вьюга выла.

И на ходу дремал солдат,
От ран ли бредил,
Коль падал, падал не назад —
Лицом к победе.

И был декабрьский лют восход,
Свет не струится.
Команда: «Прекратить отход,
Ведь там — столица!»

И был от крови снег горяч,
А кровь людская...
Солдат, в затишья миг не плачь —
Судьба такая...

Солдат, сегодня не засни
С собой в беседе,
А коль придется лечь костыми —
Лицом к победе!

НИКОЛАЙ СТРЕЛЬНИКОВ

* * *

Здесь когда-то гремели бои,
А теперь тут — осин хороводы...
Но окопные братья мои
Не забыли за долгие годы
Этих ям, где кипит еще кровь,

Где боится расти даже клевер,
Этих рвов,
этих рвов,
этих рвов,
Протянувшихся с юга на север...
Чуть заблещут росинки травы,
По-солдатски вскочу я с лежанки.
Не дают мне уснуть
Эти рвы
И ползущие
С запада
Танки.

ДЕСАНТНИК

Брату Степану

Нет, я не прыгал ночью
с парашютом
В напичканный врагами черный лес.
Не шел я тем болотистым маршрутом,
Где крался ты смертям наперерез.

И не был я на той лесной поляне,
Всего шагов с полсотни шириной,
Где каждый думал об одном лишь
плане:

Чтоб пересечь ее любой ценой.

И вот уже — спасительный кустарник.
И наши парни рядышком с тобой.
А ты мрачнел: остался там напарник,
Навек сроднившись с выжженной
травой.

А ты мрачнел...
И до сегодня мука
Порой чернит безоблачность лица.
Не вынес друга. Мертвого.
Из круга,

Исчерченного трассами свинца.
А как, скажи мне, сделать было
это,
Когда осколок жег твою ладонь
И — хоть бы тень лощинки иль
кювета?
Нет ничего! Равнина и огонь...

БОРИС ТЕДЕРС

ТРАВУШКА-МУРАВУШКА...

Травушка-муравушка,
Чернозем.
А по этой травушке
Мы ползем.
Шесть ночей уж ползаем
Вновь и вновь.
Нужен нам «язык»,
Хоть из носа кровь...

Приказал добыть его
Комполка.
Только не везет
С «языком» пока.
Фрицы растревожены —
Не возьмешь...
А начальство требует:
— Вынь да положь!
Взяли прошлой ночью
Одного,
Только не смогли
Довести его:
На нейтралке вырвался,
Стал орать...
Что тут было делать?
Пришлось «убрать».
Весела записка,
Да лих мотив...
У своих до сумерек
Прогостив,
К немцам через поле
Опять ползем...
Травушка-муравушка,
Чернозем...

ПУЛЯ

На ладони
От глины оттертая
Девятиграммовая
Мертвая
Пуля — давняя.
Заржавевшая,
Над виском моим
Просвистевшая...
За душой моей
Приходившая...
Несумевшая —
Неубившая.
Пулеметная,
Бронебойная.
Перелетная,
Неубойная.
Пролетевшая,
Непопавшая,
Пацана — меня
Проморгавшая...
Погребенная,
Ржой покрытая.
Непрощенная,
Незабытая...

МИХАИЛ ТИМОШЕЧКИН

СТИХИ

Стихи как память о войне...
Они еще стучатся в сердце
И продолжают жить во мне,
Суровые единовверцы.

Они людей тревожить душу
Хотят с другими наравне
И ждут, чтоб кто-то их послушал,
Стихи солдата о войне.

Кому-то, может быть, дано
Найти в них родственные чувства,
Приметив в закромах искусства
Мной привнесенное зерно.

Взращенные, подобно злакам,
Средь избяных крестьянских стен,
Они еще идут в атаку,
Чтоб никогда не сдаться в плен.

МЕРЗЛАЯ ОЗИМЬ ЛЕЖИТ ЗА ТРАНШЕЯМИ...

Мерзлая озимь лежит за траншеями.
Свищет над степью картечь.
Воины, воины с тонкими шеями,
Как же вам жизни сберечь?
Вот вы пилотки на лоб

понадвинули,
Оторвались от земли,
Взглядами цепь свою молча
окинули

И деловито пошли.
Так-то размашисто,
с юной сноровкою —

Горя-заботушки нет!
Будто бессмертны и будто
с винтовкою

Знались с мальчишеских лет.
Звезды еще никому не присвоены,
Озимь покамест ничья...

Милые, добрые, грозные воины,
С вами шагаю и я...

Голое поле лежит за траншеями,
Голову нечем прикрыть.

Воины, воины с тонкими шеями,
Вам еще жить бы да жить.

Вам бы расстаться с патронными
сумками,

Мокрую скинуть шинель...
Но в небесах над командными

пунктами
Рвется чужая шрапнель.

Вам бы рвануться бы к жизни
даруемой
Через родимый порог...
Мерзлая озимь. Железными струями
Пули вскипают у ног...

МНЕ ДОВЕЛОСЬ В СОСТАВЕ ВОЙСКА...

Мне довелось в составе войска
Пройти румынские поля
И у советского посольства
Сменять охрану короля.

Послы к солдату, как к полпреду,
Без этикетной кутерьмы:
В то время на фронтах Победу
В Европу приносили мы...

Но я послов держал в опале,
Недосягаем в их глазах:
Кричали мне: «Траяска¹ Сталин!»
Девчонки в рваных постолах...

Мне довелось увидеть лично,
Как проходил за рядом ряд
По главным улицам столичным
Румынский пролетариат.

Народ на часовых советских
Обрушивал приветствий шквал.
И на проспекте королевском
Гремел «Интернационал».

Его величества заставы
Поразбежались за версту...
И по неписаным уставам
Я улыбался на посту.

¹ Траяска — да здравствует (румынск.).

АПРЕЛЬ

Стоял апрель. Взбухали реки,
Жизнь пробуждалась ото сна.
Рождалась в каждом человеке
Одна великая весна.

Не переключком журавлиным
Она была для нас близка,—
Гремел апрель, и шли к Берлину
Смертельно храбрые войска.

МЫ — ОЧЕВИДЦЫ

ЛЮДМИЛА ПРОЗОРОВА

**ВАМ —
СТАРШЕЕ ПОКОЛЕНИЕ**

Мы — маленькие очевидцы,
Последние из могикан,
Нам до сих пор тревога снится,
И до сих пор отбой не дан.
Из теплой, полной снов постели,
Из комнат, где цветы цвели,
В бомбоубежища и щели
Мы ночью с бабушками шли.
Мы слез тогда уже не лили,
Мы знали вкус полынь-травы
И с вами всю беду делили,
Как с нами хлеб делили вы.
А в десять
Мы нырнули в детство,
Стремясь былое наверстать,
И только трудное наследство
Порой себя давало знать...
Ну что же, мы зато узнали,
Что значит выжить в трудный год,
Что значит —
Родина за нами!
И что такое
Наш народ.
И если песню фронтовую
Вы запоете за столом,
Ту, вашу, грустно-молодую,
Мы вам, конечно, подпоем.

ЛАРИСА ВАСИЛЬЕВА

ТАНКИ

*Николаю Алексеевичу Кучеренко,
моему отцу*

Какие-то строгие тайны
из дома отца увели,
а вскоре по улицам танки
гудящей волной поползли.
Я прятала руки за ватник
и следом за танками шла,
не зная, что ожил тот ватман
с его заводского стола,
что ожил тот ватман, который
похитил отцовские сны.

По длинным людским коридорам
шли новые танки страны.

Мальчишеские крики привета
неслись от ворот до ворот,
и женщина шла без жакета,
кричала:— Победа идет!—
И, стиснув руками упрямо
тугие перила крыльца,
о чем-то заплакала мама,
привыкшая жить без отца.
Я помню тот день потому лишь,
что вечером этого дня
среди старых бревенчатых улиц
отец мой окликнул меня.
Мне даже теперь это снится,
как в тот незапамятный год
отцу разрешил отлучиться
домой оборонный завод,
как следом за ним я бежала
и в комнату нашу вошла,
и мама подушки взбивала,
и мама лепешки пекла,
смеялась то громко, то робко,
о том говорила, о сем,
но стыла в тарелке похлебка,
отец мой уснул за столом,

и мать улыбалась все шире
и куталась в старую шаль...
Шли танки Т-34
в тревожную, в трудную даль.

ЮРИЙ ВОРОНОВ

* * *

В блокадных днях
Мы так и не узнали,
Меж юностью и детством
Где черта?..
Нам в сорок третьем
Выдали медали
И только в сорок пятом —
Паспорта.

И в этом нет беды.
Но взрослым людям,
Уже прожившим многие года,
Вдруг страшно оттого,
Что мы не будем
Ни старше, ни взрослее,
Чем тогда.

* * *

Опять война,
Опять блокада...
А может, нам о них забыть?
Я слышу иногда:

«Не надо,
Не надо раны беречь.
Ведь это правда, что устали
Мы от рассказов о войне
И о блокаде пролистали
Стихов достаточно вполне».

И может показаться:
Правы
И убедительны слова.
Но даже если это правда,
Такая правда —
Не права!

Чтоб снова
На земной планете
Не повторилось той зимы,
Нам нужно,
Чтобы наши дети
Об этом помнили,
Как мы!

Я не напрасно беспокоюсь,
Чтоб не забылась та война:
Ведь эта память — наша совесть.
Она,
Как силы, нам нужна...

ВЛАДИМИР ГОРДЕЙЧЕВ

КОГДА СТОЯЛА НОЧЬ

Брезжит свет. За стол усажен
парень.
Хлеба нет. Зима. Сорок второй.
Кипяток в казанчике заварен
вишенья пахучею корой.
Ничего не знающего к чаю,
кроме сахара одного,
я во тьме почти не различаю
тоненького мальчишка того.
Язычок копилочный чадает.
Мать, огонь оставив сыну, спит.
Чай забыв, он Пушкина читает,
не единым чаем жив и сыт.
Наше войско держится у Дона.
Книжек нет. Спалили. Лишь одна
в целости. О подвигах Гвидона
я читаю сказку у окна.
На окне мешок распялен глухо.
Приоткрыть и думать не могли!
С улицы — скрипучие — до слуха
патрулей доносятся шаги.
Пушкина читаю у оконца,
прислоняясь к слабому лучу.
С Пушкиным: «Да здравствует!..» —
о солнце
и о тьме: «Да скроется!..» —
шепчу.
Стужей, удержанной за дверью,
мой не нарушается уют.
С Пушкиным светло и свято верю
в то, во что поверить не дают.
Темень оккупации. Но света
не отнимут. Ночь не столь темна,
если в ней, хотя б из гильзы,
где-то
чистая лампада возжена.

АНДРЕЙ ДЕМЕНТЬЕВ

* * *

Где-то около Бреста
вдруг вошла к нам в вагон
невеселая песня
военных времен.

Шла она по проходу,
и тиха, и грустна.
Сколько было народу —
всех смутила она.

Подняла с полок женщин,
растревожила сны,
вспомнив всех не пришедших
с той, последней войны.

Как беде своей давней,
мы вздыхали ей вслед.
И пылали слова в ней,
как июньский рассвет.

Песня вновь воскрешала
то, что было давно,
что ни старым, ни малым
позабыть не дано.

И прощалась поклоном,
затихала вдали...
А сердца по вагонам
всё за песнею шли.

ОЛЕГ ДМИТРИЕВ

* * *

Н. С.

Угольки еще раскалены
В костерке недогоревшем...

Мой товарищ вышел из войны
Мальчиком не постаревшим.
Вышел, костылями грохоча
Без сноровки, без лихой ухватки.
Ковылял, как будто бы в грача
Угодили камнем из рогатки.
Начал жить у матери в дому,
Как в недавнем детстве,

полусвято,

Зла не причиняя никому
Удалю бывалого солдата.
Словно бы друзей не хоронил,
Не бродил по выгоревшим хатам,
Словно бы слезу не обронил
В кровь свою на бруствере

покатом.

Словно не приполз с передовой
С перебитыми ногами,
Автомат, как пропуск в мир живой,
Больше, чем себя, оберегая...
Скромно жил. Работал. Дочь

растил.

Женщину ушедшую простил.
Но мужчину бросило назад
То, что в сердце мальчика

застыло:

Он рванулся к жизни, как десант,
Вышедший из вражеского тыла!
Только десять дней отведено
На поправку и на утешенье —
Визг гармошки. Белое вино.
Лиц разнообразных мельтешенье.
Не помогут суд и пересуд,
Не сломить ни правдою,

ни сплетней:

Пей до дна — в раю не поднесут!

Каждый поцелуй — всегда
 последний!
 С жестким заострившимся лицом,
 Но с глазами прежнего мальчишки,
 Он живет
 Отчаянным бойцом
 Меж двумя боями, в передышке.
 Обижая яростью хмельной,
 Больше добротой обогревая,
 Между той и будущей войной,
 Если вдруг случится таковая...

Что же вы советуете мне
 Шефствовать над этой судьбою,
 Если все о жизни и войне
 Знают только те,
 Кто — после боя?!

ВИКТОР ДРОННИКОВ

* * *

Сыновьям чувством схваченный
 в кольцо,
 Смотрю, как дождик трудится
 над пашней.
 Какое было у отца лицо
 В атаке той последней рукопашной?
 Накатывалась едкая слеза
 От близкого, слепящего разрыва.
 Какими были у отца глаза,
 Когда залег весь батальон
 прорыва?
 Какою мыслью был он напряжен,

Минуя поле минное вслепую,
 Когда взяла убийственный разгон
 Ему навстречу снайперская пуля?
 Быть может, смерть заметила его
 В бинокли наблюдательного верха?
 Я знаю все о штурме Кенигсберга,
 Я об отце не знаю ничего.

ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО

* * *

М. Бернесу

Хотят ли русские войны?
 Спросите вы у тишины
 над ширью пашен и полей
 и у берез и тополей.
 Спросите вы у тех солдат,
 что под березами лежат,
 и вам ответят их сыны,
 хотят ли русские войны.
 Не только за свою страну
 солдаты гибли в ту войну,
 а чтобы люди всей земли
 спокойно видеть сны могли.
 Под шелест листьев и афиш
 ты спишь, Нью-Йорк, ты спишь,
 Париж.
 Пусть вам ответят ваши сны,
 хотят ли русские войны.
 Да, мы умеем воевать,
 но не хотим, чтобы опять
 солдаты падали в бою
 на землю грустную свою.

Спросите вы у матерей.
Спросите у жены моей.
И вы тогда понять должны,
хотят ли русские войны.

АНАТОЛИЙ ЖИГУЛИН

КОРДОН ПЕСЧАНЫЙ

Брату Вячеславу

Спустился летчик,
весь иссеченный,
на мягкий мох березняка.

Над ним в слезах склонились
женщины —

Жена и дочка лесника...

И мы с братишкой в яму черную
Смотрели, стоя под сосной.

Мы были просто беспризорными
Той неуютною весной.

Потом у маленького озера,
Где самолет упал вдали,
Двух карасей молочно-розовых
В прибрежной тине мы нашли.

Под ивой, перебитой крыльями,
Без соли — не достать нигде —
В консервной банке их сварили мы
В бензином пахнувшей воде...

Кордон Песчаный!..
Пойма топкая,
Худой осинник на пути!
Хочу опять сырыми тропками
В твои урочища пройти.

Хочу опушками сорочьими
Пройти к дымящейся реке...
Хочу найти могилу летчика
В сухом и чистом сосняке.

ЮРИЙ КУЗНЕЦОВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Шел отец, шел отец невредим
Через минное поле.
Превратился в клубящийся дым —
Ни могилы, ни боли.

Мама, мама, война не вернет...
Не гляди на дорогу.
Столб крутящейся пыли идет
Через поле к порогу.

Словно машет из пыли рука,
Светят очи живые.
Шевелятся открытки на дне
сундука —

Фронтовые.

Всякий раз, когда мать его
ждет,—

Через поле и пашню
Столб крутящейся пыли бредет,
Одинокий и страшный.

ВАЛЕНТИН КУЗНЕЦОВ

РОДИНЕ

В пору военных разрух
С хлебом в стране было туго.
Не выпускала из рук
Ты ни винтовки, ни плуга.

И потому не взяла
Смерть тебя в тяжкие годы:
Вспашка глубокой была,
Стойкими выдались всходы!

Вот почему ты жива,
Сладок твой хлебушек черный.
Хоть на твои жернова
Падали горькие зерна.

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

* * *

Опять разгулялись витии —
шумит мировая орда:
Россия! Россия! Россия!..
Но где же вы были, когда,
от Вены и до Амстердама
Европу, как тряпку, кроя,

дивизии Гудериана
утюжили ваши поля?
Так что ж, все прошло-пролетело,
все шумным быльем поросло —
и слава, и доброе дело,
и кровь, и всемирное зло?
Нет, все-таки взглянем сквозь годы
без ярости и без прикрас:
прекрасные ваши «свободы» —
что было бы с ними без нас?!
Недаром легли как основа
в синодик гуманных торжеств
и проповедь графа Толстого,
и Жукова маршальский жезл.

АЛЕКСЕЙ МИШИН

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Я тетю Настю в поле встретил.
С почтовой сумкой шла она,
И разносил веселый ветер:
«Война окончилась, война».
Бросали бабы плуг на пашне,
Забыв о хлебе и коне.
И становился день вчерашний
Вольней и радостней вдвойне.
Здесь раздавала тетя Настя
Конверты почты полевой,
И бабы плакали от счастья,
Сойдясь на тропке луговой.
И ребятишки, смазав пятки,
Неслись к оставшимся углам,
И там, среди родни,
солдатки
Делили радость пополам.

А тетя Настя
 Стежкой длинной
 В пустую хату не пошла,
 И похоронная на сына
 Который день ей сердце жгла.
 У ног ее шептали травы,
 Дрожала в поле тишина,
 И гулко вторили дубравы:
 «Война окончилась, война».

ВИКТОР ПАХОМОВ

* * *

У нас у всех с войною счеты.
 Шел сорок первый горький год...
 В разгар уборочной работы
 Кружил над нами самолет.

Он не стрелял, он развлекался.
 Патроны, видимо, берег.
 Но вдруг из облаков прорвался
 Наш красноезвездный «ястребок».

Как мама плакала от счастья,
 Сестренку и меня обняв,
 Когда, рассыпавшись на части,
 Стервятник вспыхнул среди трав.

Мы, подбежав, глядели немо,
 И ноги налились свинцом —
 Из-под разодранного шлема
 Белело женское лицо.

Открытый рот, вставные зубы,
 И струйка пота — не слеза,

И ярко крашенные губы,
 И подведенные глаза.

Испуганно шептались травы
 В тени разбитого крыла...
 Не верилось, чтоб эта фрау
 Кому-то матерью была.

СОН

Дымятся трубы. Крематорий.
 Освенцим. Я, уже развеян,
 Лечу на Родину, которой
 Я и такой, сожженный, верен.

Граница. Родина. Смоленщина.
 Ветряк. Речушка. Перевоз.
 Седая сгорбленная женщина,
 Полуослепшая от слез.

Ее морщины словно шрамы.
 Глаза с извечною мольбой.
 Кричу, кричу ей: «Здравствуй,
 мама!»
 Я снова дома, я с тобой.

Вновь буду жить под отчей крышей
 И никуда не пропадать...»
 А мать меня совсем не слышит,
 Меня не замечает мать.

Стоит, качается былинкой,
 Концы платка прижав к плечу.
 А я над нею пепелинкой
 Летаю и кричу, кричу...

БОРИС ПУЦЫЛО

ПОЛУТОРКА

Полуторки гремели по России.
И мимо нас, летя во весь опор,
Они такие песни проносили,
Что мы поем те песни до сих пор.

Цветастые рубахи трепетали,
Сползая с плеч немислимо крутых,
И виделись парням такие дали,
Откуда я сейчас гляжу на них.

Покрикивая сочно на ухабах,
На встречном ветре выявляя стать,
Вперед всем телом подавались
Летающей Нике каждая под стать.

И вот уж пыль клубится
над травой,
Они исчезли в глубях синевы.
Потом война им звания присвоит —
Кому солдата,
А кому вдовы.

И мимо сел, дохнувших лютой
стужей,
От Ладоги до южной стороны
Полуторки несли, борта натужа,
Всю тяжесть навалившейся войны.

И степи выли волчьей метелью,
Раздетый лес, порой белея, дрог.
Полуторка была мне колыбелью,
Качающейся на ремнях дорог.

И солнце падало, едва вставало,
Закат был дымен, дымен был
рассвет.
Три скорости полуторки — начало
Трех скоростей космических ракет.

Звенит мой век натянуто, упруго,
Все выше взлет и длительный
полет.

А вдалеке по голубому лугу
Полуторка между стогов бредет.

Шуршит трава, и дышит лес
вполсилы,
Стучит мотор, невыразимо тих.
Она такие песни проносила,
Не дай нам бог, чтоб мы забыли
их!

РОБЕРТ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

* * *

Я сегодня до зари встану,
по широкому пройду полю.
Что-то с памятью моей
стало:
все, что было не со мной, —
помню!
Бьют дождинки по щекам впалым.
Для Вселенной двадцать лет —
мало.
Даже не был я знаком
с парнем,
прокричавшим:
«Я вернусь,
мама!..»
Обещает быть весна долгой.
Ждет отборного зерна пашня.
И живу я
на земле доброй

за себя
и за того парня.
Я от тяжести такой горблюсь.
Но иначе жить нельзя,—
если
все зовет меня
его голос,
все звучит во мне
его песня...
А степная трава пахнет горечью.
Молодые ветра зелены.
Просыпаемся мы.
И грохочет над полночью
то ли гроза,
то ли эхо
прошедшей войны.

ЛЕВ СМИРНОВ

БАЛЛАДА О СОЛДАТЕ

Встал солдат, как штык прямой,
На пороге...
Он с войны принес домой
Руки-ноги.

На подошвах у него
Грязь да глина
Из-под самого того
Разберлина.

Он успел... Ему бы лечь
В этом разе.
Он мешок солдатский с плеч
Скинул наземь.

На виске его седом
Бьется жилка.
На плече его крутом
Бьется жинка.

Первачи вокруг стоят
Лучших марок,
Пьет без роздыха солдат
Десять чарок.

Вспоминает дальний путь:
Рвы да мины...
И ложится отдохнуть
На перины.

Шел солдат сквозь смертный лязг —
Было круто.
Не до бабьих было ласк
Мужику-то!

Спал с винтовкой всю войну,
С немцем бился...
Целовать свою жену
Разучился.

Говорит он: я люблю,
Недотрога!
Говорит он: я посплю
Хоть немного!

Эх, закончилась война
Мировая,
Жизнь пойдет теперь, жена,
Мировая!

ВЛАДИМИР СОКОЛОВ

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА

Что делал я тогда? Снопы вязал,
А может быть, работал

на прополке,
Когда ты полем боя проползал,
Где каждый метр изранили осколки.

Меня поймет, кто был для фронта
мал,
Мальчишка, живший на Оби иль
Каме.

Он тоже географию сдавал
По карте, сплошь истыканной
флажками.

Ни на минуту друга не забыв,
Я жил, ни слова о тебе не зная.
Прошла война. Коль все ж придет
другая,
Нам без тебя являться на призыв.

Но как ты жив! Не памятью, нетенью,
А так, что кажется: ты здесь вот,
рядом, сам!
Погибший на Московском
направленьи,
Быть может, самый юный партизан.

А дни бегут скорее и скорее.
Они спешат. Они торопят нас.
Не по годам, а по часам стареют
Учебники истории сейчас.

От вас года холодные все дальше,
Все глуше громы незабвенных битв.
Но ты спокойно спи,
великий мальчик!
Как и они, не будешь ты забыт.

А дни бегут. Большой весной
дружной
Украшен мир, на сколько видит
глаз.

Как дорожить нам нашей жизнью
нужно,
Когда она во столько обошлась!

Быть может, долгий век отпущен
мне.

Я должен жизнь свою прожить
такою,
Чтобы зачлась она моей страной
С твоим коротким веком наравне.

ДМИТРИЙ СУХАРЕВ

СОРОК ДВА

Я лермонтовский возраст одолел,
И пушкинского возраста предел
Оставил позади, и вот владею
Тем возрастом, в котором мой
отец,

Расчета минометного боец,
Угрюмо бил по зверю и злодею.

Отец мой в сорок лет владел
брюшком
И со стенокардией был знаком,
Но в сорок два он он стал как бог
здоровый:

Ему назначил сорок первый год
Заместо валидола — миномет.
Восьмидесятидвухмиллиметровый.

Чтоб утвердить бессмертие
строкой,
Всего и нужно — воля да покой,
Но мой отец был занят минометом;

ОЛЕГ ШЕСТИНСКИЙ

ДРУЗЬЯМ,
ПОГИБШИМ НА ЛАДОГЕ

Я плыву на рыбацком челне.
Холодна вода, зелена...
Вы давно лежите на дне.
Отзовитесь, хлопцы, со дна!
Борька Цыган и Васька Пятак,
огольцы, забияки, братцы.
Я — Шестина из дома семнадцать, —
вы меня прозывали так.
В том жестоком дальнем году,
чтоб не лечь на блокадном

погосте,

уезжали вы —
кожа да кости —
и попали под бомбу на льду.
Непроглядна в путину вода.
Не проснуться погодкам милым.
Их заносит озерным илом
на года,

на века,
навсегда.

В ПЯТИДЕСЯТЫХ
РОЖДЕНЫ

АЛЕКСАНДР БОБРОВ

РУБЕЖ

Вот это все: поля, песчаник,
глина
И соснами уставленный откос,
Деревня и Москвы-реки долина —
Можайским направлением звалось.

Уж сколько лет...
А сын в лесу негромко
Еще мои вопросы задает:
— Землянка?
— Да.
— Воронка?
— Да, воронка.
— Окоп?
— Гнездо, где размещался взот.

Уж сколько лет.
А сын опять упрямо
Все ищет гильзы. Мало мы нашли?
Да, может, это не воронка — яма?
Не бруствер — складка на лице
земли?

Не все ж война!
Но ветер с дымом
горьким
Встревоженному сердцу говорит:
Склонись в раздумье над любым
пригорком —
Не ошибешься — здесь солдат
зарыт.

ТРИ БРАТА

Брат мой поседевший, Анатолий,
Помолчим, замедлим-ка шаги.
Вот она, дорога,

а над полем —
Коршуна широкие круги.
Нечего стесняться нам объятий
И при посторонних — слез из глаз.
Было ведь, как в сказке,

трое братьев,
Трое Александровичей нас.
Русых да с широким переносьем
Сероглазых жилистых ребят.

Мы вдвоем что хочешь переносим,
А втроем бы — легче во сто крат.
Как бы нам тогда шагалось просто,
Как бы нас любили горячо,
Каждому — по метру девяносто,
Каждому — подруга по плечо.

К красоте невесток не ревнуя,
Шли бы так, что любо посмотреть,
Грянули бы если строевую —
Роту бы сумели перепеть!
Нас бы можно было, право слово, —
Дайте лишь коней да стремяна —
Хоть на все полотна Васнецова,
Хоть былинку...

Если б не война.
Самый старший — что там? —
лучший самый
Где-то здесь, наверное, лежит.
Не сложилась сказка.

Над лесами
Коршун исчезающий кружит...

АНАТОЛИЙ БОГДАНОВИЧ

КРАДЕНАЯ ЗЕМЛЯ

Село будили властные приклады,
Овчарок лай. Свирепые пинки.
На станции седьмые сутки кряду
Людей шатали грузные мешки.

Их наполняли тут же, на перроне,
Кубанской теплой, тучною землей.
А на нее, самой России кроме,
И права не имел никто другой.
Земля обратно сыпалась в прорехи,
Как будто не хотела уезжать.
Как будто знала, что на фермах
рейха,

В чужом краю придется ей лежать.
Земля, земля! Кормилица! Родная!
Везли тебя в глухих товарняках.
На остановках пломбы проверяя,
Курили часовые впопыхах.
И каждый раз, принюхиваясь,

молча
Стояли у вагонов, где земля,
Казалось им, могильной пахла

ночью,
Как фронтовые русские поля.

Врагов ловили всюду наши пули
И отпевали вьюга и мороз.

И где бы они землю ни копнули,
Вставали партизаны в полный рост.
Была в земле частица русской
крови,

Был русский дух, разивший как
стрела.

И на нее, самой России кроме,
Прав не имела ни одна страна.
Земля в реестры заносилась,

в списки,
На марки продавалась. Но она —
В Германии останется российской,
И прорастут в ней наши семена.

АЛЕКСАНДР ВАСЮТКОВ

ФРОНТОВИК

Он в нерезкий снимок тычет,
Раздвигает пыль рукой.
— Не гляди, какой я нынче,
Вот он я, гляди какой!

По уставу брови сдвинув,
В объектив нацеля взгляд,
У молоденькой рябины
Спит молоденький солдат.

Он ли это в самом деле
В гимнастерке фронтовой,
Не его ль снега отпели
В 41-м под Москвой?

Не его ли под Берлином
Пуля черная взяла?
И не эта ли рябина
Полыхала у села?..

Пожилой, одутловатый,
Он с улыбкой виноватой
Трет затылку рукой.
— Разве я такой, ребята?
Вот он я, гляди какой!

ВИКТОР ВЕРСТАКОВ

* * *

Взял свой мешок заплечный,
да и ступил в огонь,
не в тот, который вечный,
а в тот, какой не тронь.

Сгорело все, что было
на нем, при нем, над ним,
не столько закалило,
как нынче говорим.

Вернулся опаленный,
пройдя госпиталя,
и черные знамена
сложил у стен Кремля.

И долго жил, внимая
потрескиванью дров,
и все душа немая
не находила слов.

**ВЛАДИМИР
ДВОРЯНСКОВ**

* * *

Не дымятся дали,
Пыль черна от слез.
Ни одной медали
Дед мой не принес.

Только в этом самом
Нет его вины,
Потому что сам он
Не пришел с войны...

НИКОЛАЙ ДМИТРИЕВ

* * *

В пятидесятых рождены,
Войны не знали мы, и все же
В какой-то мере все мы тоже
Вернувшиеся с той войны.

Летела пуля, знала дело,
Летела тридцать лет подряд
Вот в этот день, вот в это тело,
Вот в это солнце, в этот сад.

С отцом я вместе выполз, выжил,
А то в каких бы жил мирах,
Когда бы снайпер батьку выждал
В чехословацких клеверах?

* * *

Тихо кружится звездная сфера,
Светит млечная пыль на сосне.
«Разворачивай пушку, холера!»—
Это батька воюет во сне.

На земле, под разрывами шаткой,
Обругав по-русски ребят,
Он в последнюю «сорокапятку»
Досылает последний снаряд.

На полу мои ноги босые —
Вот бы мне в этот сон, в этот бой!
Вдруг все это отец не осилит,
Не вернется оттуда живой?!

* * *

Умер дед без болезней и муки,
Помню, теплые лили дожди.
В первый раз успокоились руки
И уютно легли на груди.

Умер так незаметно и просто
И лежал так от смерти далек,
Словно выправил новую косу
Или поле вспахал — и прилег.

Постояв на кладбищенской сыри,
Вытер слезы, опомнился дом.
Ничего не нарушилось в мире,
Все проходит своим чередом.

В окна смотрит такое же лето,
Так же весел ромашек разбег.
Незаметно прошел для планеты
Небольшой человеческий век.

Просто липа в саду б не шумела,
В ней не слышались птиц голоса,

Да без деда война бы гремела,
Может, лишних каких полчаса.

Не стояли б хорошие внуки
На пороге большого пути...
Умер дед без болезней и муки.
Помню, теплые лили дожди.

ЗОЯ

Она назвала себя Таней,
Не зная, что в гордой красе
Несломанной, бронзовой встанет
Над Минским летящим шоссе.

Не зная, что, убран росую,
Ей горн пионерский споет.
— Куда вам? До Зои?— До Зои.—
Кондуктор билет оторвет.

И выполненное заданье,
И крестный в бессмертие путь,
И это святое незнанье —
Вот подвига сила и суть.

Мы выстоим — главное знала,
Но если б сквозь сумрак и свет
Она хоть на миг услышала
Сквозь сорок, сквозь тысячу лет

Не скрип под фашистской кирзою,
А здесь, у скрещенья дорог,
Хоть это: «Мы выйдем у Зои»,—
Московский родной говорок.

ВЛАДИМИР ЕМЕЛЬЯНОВ

* * *

Что про деда мне известно?
Канул в дым пороховой
Он, одну любивший песню:
«Черный ворон, я не твой».
Грянул выстрел на заставе,
И погас навеки свет.
Лишь глухой мотив оставил
Роду нашему мой дед.
«Ты не вейся, черный ворон...
Ты не вейся надо мной...»
Голос у отца подорван
Затянувшейся войной...
Кружит ветер в небе стаю,
Злую черную семью.
«Ты не вейся»,— напеваю,
Думу думаю свою.

ГЕОРГИЙ ЗАЙЦЕВ

* * *

Пройдя солдатами полмира
Через упорные бои,
Являлись к нам они, кумиры,
Сердца раздаривать свои.

Они, сверкая орденами —
Нас покоряли ордена,—
На торжества ходили с нами,
Когда окончилась война.

Они пришли. И по-иному
В деревне зажили мальцы...
С войной мы через вас знакомы,
Солдаты,
деды и отцы.

И ваше мужество входило
Мальчишкам в гулкие сердца.
Их осветило, освятило
И в них пребудет до конца.

Я не творил себе кумира,
Но он, ниспосланный судьбой,
Явился мне (пройдя полмира)
Солдатом, дедом и судьей.

ГЕННАДИЙ КРАСНИКОВ

* * *

И мне не додуматься даже,
какой там ударит салют.

Сергей Орлов

Без вас будет пусто на свете,
когда достопамятным днем
мы — послевоенные дети —
к Большому театру придем.

Уже ветераны в ту пору —
среди не выдавших войны...
На нас будут юные взоры
с волнением устремлены.

Ведь мы родились под раскаты
победных салютов и труб,
и горькие наши рассказы
из первых получены рук.

В немыслимых розах и маршах
впервые за столько-то лет
в тот день на живых и на павших
уже разделения нет.

Весенний, счастливый,
прекрасный —
тот праздник нас будет кружить!..
И все-таки, все-таки страшно
до этого мая дожить.

* * *

В ночи осенней с грустью
звездочета
я вижу,
сколько звезд война зажгла:
фанерных, жестяных — у нас без
счета...
Ведь никого она не обошла...

Любимые, погибшие, родные,
упали вы навек в святом бою!
И как миры далекие,
иные —
я вас по вашим звездам узнаю.

НИНА КРАСНОВА

УЧАСТНИКИ ВОЙНЫ

На лице у мужчины шрамы видны,
На груди — медали и ордена
(Вон за взятие Берлина дана),
Сразу видно — он участник войны.

Ну а женщина, что шила кисет,
Что ждала твоих, Россия, сынов,
Что пахала, что стояла у станков,
Как — участница она или нет?

А старуха тех военных лет,
Что с мякиной ела лебеду,
Что врагам молила смерть и беду,
Как — участница она или нет?

А мальчишки тех военных лет,
Например, что партизанили тогда,
Поджигали биржи труда,
Как — участники они или нет?

А ученый тех военных лет,
Что по виду не герой, не орел,
Но «илюшу», но «катюшу» изобрел,
Он — участник войны или нет?

Разве выводы мои не верны,
Разве мысль для кого-то странна:
Весь народ у нас участник войны
И участница войны — вся страна.

АЛЕКСАНДР МАКАРОВ

ВОСПОМИНАНИЕ

Печь гудит. Огонь грызет поленья,
Словно зверь, попробуй только
тронь.

Положив ладони на колени,
Он сидит. И смотрит на огонь.

Вспоминает, как с войны когда-то
Шел он, не скрывая торжества.
Шел домой,

Но перед черной хатой
Гулко закружилась голова.
Целый мир заполнило молчанье.
Крепко въелся в душу горький дым.
В горстке пепла —

все односельчане...

Человек от пепла стал седым.

Положив ладони на колени,
Одиноко на исходе дня
Он сидит.

Огонь грызет поленья.
Холодно у жаркого огня.

ВИКТОР НИКОЛЕНКО

* * *

*Поэтам
Михаилу Кульчицкому,
Павлу Когану,
Николаю Майорову,
всем, кто не дожил
до Победы...*

Вы своих не увидели книг —
Вы за Родину
Встали...
Оттого
Этот отблеск на них
Нержавеющей стали!

Мы на жизнь примеряем свою,
Что судьба принесла вам...
Да найдет вас
Не гибель в бою —
А бессмертная слава.

Мы встаем
На золе и крови,
У Девятого мая, —
Продолжение
Вашей любви
На себя принимая.

Продолжение песни и книг —
Тех, что вы не застали.
С этим отблеском вечным
На них —
Нержавеющей стали...

КОНСТАНТИН РЯБЕНЬКИЙ

ОРДЕН КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ

Сапоги кирзовые и китель,
Пять лучей от ордена горят.
Пристальнее, мальчики,

смотрите, —

Как они о многом говорят!
Путь немалый до Берлина

пройден, —

Из души не вырвать никогда:
Чуть правее — и уже не орден —
Красная фанерная звезда.
Не нужны ни соловьи, ни сваты,
Ни гармошки, ни свеченье рос...
Сколько их погубило, неженатых...
Сколько их, ребят, не родилось!

Краюху тяжелого хлеба
Делил полковой кашевар.

Под утро трясло от озноба,
Стучал котелок по спине.
У башен, цепляясь за скобы,
Мы спали на тряской броне.

Змеились, круты и горбаты,
Пылили дороги страны...
Но мир доверялся ребятам,
Родившимся после войны.

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение к читателям	1
АЛЕКСЕЙ НЕДОГОНОВ	
22 июня 1941 года	3
АЛЕКСАНДР ТВАРДОВСКИЙ	
«Война — жесточе нету слова...»	3
НИКОЛАЙ ТИХОНОВ	
Надписи на стенах рейхстага	3
АЛЕКСАНДР БОБРОВ	
Товарищ ровесник	4

СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА

МАРГАРИТА АГАШИНА	
Стихи о моем солдате	5
МАРГАРИТА АЛИГЕР	
«С пуль в сердце я живу на свете...»	5
СЕРГЕЙ АЛЫМОВ	
Вася-Василек	6
ПАВЕЛ АНТОКОЛЬСКИЙ	
В страшный час	7
АННА АХМАТОВА	
Клятва	7
Мужество	7
ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ	
Я верю в свой народ	8
АЛЕКСАНДР БЕЗЫМЕНСКИЙ	
Я брал Париж	8
ОЛЬГА БЕРГГОЛЬЦ	
«...Я говорю с тобой под свист снарядов...»	9
НИКОЛАЙ БУКИН	
Прощайте, скалистые горы	10
КОНСТАНТИН ВАНШЕНКИН	
Будапешт взят!	10
Алеша	11
СЕРГЕЙ ВИКУЛОВ	
Баллада о хлебе	11
ЕВГЕНИЙ ВИНОКУРОВ	
Москвичи	12
ВИКТОР ГОНЧАРОВ	
«Мне ворон черный смерти не пророчил...»	13
Возвращение	13
ЮРИЙ ГОРДИЕНКО	
«В страну холмов, знакомую по сказкам...»	13

НИКОЛАЙ ГРИБАЧЕВ	
Прага	14
Шаг идущей роты	14
СЕМЕН ГУДЗЕНКО	
Перед атакой	15
«Я был пехотой в поле чистом...»	15
Мое поколение	15
ВИКТОР ГУСЕВ	
Есть на севере хороший городок	16
ЕВГЕНИЙ ДОЛМАТОВСКИЙ	
Песня о Днепре	17
Моя любимая	17
ЮЛИЯ ДРУНИНА	
Зинка	18
«Не знаю, где я нежности училась...»	18
МИХАИЛ ДУДИН	
Соловьи	19
Победитель	20
ВЛАДИМИР ЖУКОВ	
Атака	21
Пулеметчик	21
Россия	21
ВЛАДИСЛАВ ЗАНАДВОРОВ	
На высоте «Н»	21
ВЕРА ИНБЕР	
Трамвай идет на фронт	22
ЮРИЙ ИНГЕ	
Тральщики	23
ЕГОР ИСАЕВ	
Отрывок из поэмы «Суд памяти»	23
МИХАИЛ ИСАКОВСКИЙ	
В прифронтовом лесу	24
Враги сожгли родную хату	25
ВЛАДИМИР КАРПЕКО	
Дорога под небом	25
ДМИТРИЙ КЕДРИН	
1941	26
ДМИТРИЙ КОВАЛЕВ	
Потери	27
А думал я...	27
ПАВЕЛ КОГАН	
Из недописанной главы	28
ПЕТР КОМАРОВ	
Сунгарийские болота	28
Санчагоу	29
БОРИС КОСТРОВ	
На рассвете	29
ВИКТОР КОЧЕТКОВ	
«Шел смертный бой...»	30
В сожженной деревне	30
МИХАИЛ КУЛЬЧИЦКИЙ	
Столица	30

АЛЕКСЕЙ ЛЕБЕДЕВ	
Тебе	31
Возвращение из похода	32
ВАСИЛИЙ ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ	
Священная война	32
ЮРИЙ ЛЕВИТАНСКИЙ	
Земля	33
МАРК ЛИСЯНСКИЙ	
Моя Москва	33
БОРИС ЛИХАРЕВ	
«Прислушайся — камень в горах рычит...»	34
МИХАИЛ ЛУКОНИН	
Мои друзья	34
МИХАИЛ ЛЬВОВ	
Время	35
Высота	36
НИКОЛАЙ МАЙОРОВ	
Мы	36
МАРК МАКСИМОВ	
Баллада о часах	37
Мать	37
ЛЕОНИД МАРТЫНОВ	
Народ-победитель	38
МИХАИЛ МАТУСОВСКИЙ	
На безымянной высоте	38
АЛЕКСАНДР МЕЖИРОВ	
Коммунисты, вперед!	39
СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ	
Сторонка родная	40
СЕРГЕЙ НАРОВЧАТОВ	
В те годы	41
О главном	41
АЛЕКСЕЙ НЕДОГОНОВ	
Долг	42
«Когда ученик в «мессершмитте»...»	42
ГАЛИНА НИКОЛАЕВА	
Завещание	43
БУЛАТ ОКУДЖАВА	
До свидания, мальчики	44
СЕРГЕЙ ОРЛОВ	
«Его зарыли в шар земной...»	44
«А мы такую книгу прочитали...»	45
СЕРГЕЙ ОСТРОВОЙ	
Песня о краснодонцах	45
ЛЕВ ОШАНИН	
Дороги	45
Ехал я из Берлина	46
БОРИС ПАСТЕРНАК	
Весна	46
ГРИГОРИЙ ПОЖЕНЯН	
Погоня	47
Эпилог	47

АЛЕКСАНДР ПРОКОФЬЕВ	
Ленинград	48
«На гвардейский корпус пал наш выбор...»	48
ЛЕОНИД РЕШЕТНИКОВ	
Ночная атака	49
ДАВИД САМОЙЛОВ	
Сороковые	49
МИХАИЛ СВЕТЛОВ	
Итальянец	50
ИЛЬЯ СЕЛЬВИНСКИЙ	
Тамань	50
ВЛАДИМИР СЕМАКИН	
«Прошло не помню сколько лет...»	51
Поселок	52
КОНСТАНТИН СИМОНОВ	
«Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...»	52
«Жди меня, и я вернусь...»	53
«Я не помню, сутки или десять...»	53
БОРИС СЛУЦКИЙ	
Мои товарищи	54
«Я говорил от имени России!...»	54
ЯРОСЛАВ СМЕЛЯКОВ	
«Вот опять ты мне вспомнилась, мама...»	55
СЕРГЕЙ СМIRНОВ	
Обратный путь	56
Шиповник	56
АНАТОЛИЙ СОФРОНОВ	
Бессмертник	57
Шумел сурово Брянский лес	57
НИКОЛАЙ СТАРШИНОВ	
«Ракет зеленые огни...»	58
«Зловещим заревом объятый...»	58
ВАСИЛИЙ СУББОТИН	
30 апреля 1945 года	58
Бранденбургские ворота	59
Эпилог	59
ГЕОРГИЙ СУВОРОВ	
«Еще утрами черный дым клубится...»	59
АЛЕКСЕЙ СУРКОВ	
«Подошла война к Подмоскovie...»	60
«Курганами славы покрыта родная равнина...»	60
«Бьется в тесной печурке огонь...»	60
ФЕДОР СУХОВ	
«В бою под Орлом, под Варшавой...»	61
Мать	61
АЛЕКСАНДР ТВАРДОВСКИЙ	
Я убит подо Ржевом	61
«Я знаю, никакой моей вины...»	63
НИКОЛАЙ ТИХОНОВ	
1919 — 1941	64
ВЛАДИМИР ТУРКИН	
В окопе	64

ИОСИФ УТКИН	
Если я не вернусь, дорогая...	65
Пейзаж	65
АЛЕКСЕЙ ФАТЬЯНОВ	
Соловьи	65
Давно мы дома не были	66
Где же вы теперь, друзья-однополчане?..	66
ВАСИЛИЙ ФЕДОРОВ	
Две стали	67
ИЛЬЯ ФРЕНКЕЛЬ	
Давай закурим	67
ВАДИМ ШЕФНЕР	
Зеркало	68
22 июня	68
ПАВЕЛ ШУБИН	
Полмига	69
Пакет	69
СТЕПАН ЩИПАЧЕВ	
Павшим	69
АЛЕКСАНДР ЯШИН	
Далекие походы	70

ПОЭЗИЯ МОЯ, ТЫ — ИЗ ОКОПА

АНАТОЛИЙ АБРАМОВ	
Надпись на книге «Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне»	71
ВИКТОР АВДЕЕВ	
Мое совершеннолетие	72
ГАЛИНА БЕДНОВА	
Дом Павлова	72
«Жизнь моя на излете...»	73
ОКТЯБРЬ БУРДЕНКО	
Заходит солнце за Карпаты	73
Маршевая рота	73
Граница	73
АНАТОЛИЙ ГОЛОВКОВ	
Поэзия моя, ты — из окопа	74
«Ах, эта молодость моя...»	74
«Луна военных лет...»	74
«Вот и сбылось: лицом к рассвету...»	75
«Я не думал, что с войны приду...»	75
ЕВГЕНИЙ ЗИБОРОВ	
В полночь	75
«Апрель тревожил нас недаром...»	75
НИКОЛАЙ ЗУСИК	
«Я сеял хлеб... Я набивал патроны...»	76
Путь	76
Сны	76
ИГОРЬ ИВАНОВ	
«Штыки от стужи побелели...»	77
ЮРИЙ КУЛИКОВ	
«Мне каждый вечер...»	77

«Отгремела передовая...»	77
«С экрана в зал ломались танки...»	77
НЕИЗВЕСТНЫЙ СОЛДАТ	
Дорогой отцов	78
ИВАН ПЕТРУХИН	
«Ливневый дождь, словно бешеный, хлещет...»	78
«Бомбами поле изрыто...»	78
Лицом к победе	79
НИКОЛАЙ СТРЕЛЬНИКОВ	
«Здесь когда-то гремели бои...»	79
Десантник	79
БОРИС ТЕДЕРС	
Травушка-муравушка	80
Пуля	80
МИХАИЛ ТИМОШЕЧКИН	
Стихи	80
Мерзлая озимь лежит за траншеями...	81
Мне довелось в составе войска...	81
Апрель	82

МЫ — ОЧЕВИДЦЫ

ЛЮДМИЛА ПРОЗОРОВА	
Вам — старшее поколение	82
ЛАРИСА ВАСИЛЬЕВА	
Танки	83
ЮРИЙ ВОРОНОВ	
«В блокадных днях...»	83
«Опять война...»	83
ВЛАДИМИР ГОРДЕЙЧЕВ	
Когда стояла ночь	84
АНДРЕЙ ДЕМЕНТЬЕВ	
«Где-то около Бреста...»	85
ОЛЕГ ДМИТРИЕВ	
«Угольки еще раскалены...»	85
ВИКТОР ДРОННИКОВ	
«Сыновьям чувством схваченный в кольцо...»	86
ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО	
«Хотят ли русские войны?...»	86
АНАТОЛИЙ ЖИГУЛИН	
Кордон Песчаный	87
ЮРИЙ КУЗНЕЦОВ	
Возвращение	87
ВАЛЕНТИН КУЗНЕЦОВ	
Родине	88
СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ	
«Опять разгулялись витии...»	88
АЛЕКСЕЙ МИШИН	
День Победы	88
ВИКТОР ПАХОМОВ	
«У нас у всех с войною счеты...»	89
Сон	89

БОРИС ПУЦЫЛО	
Полуторка	90
РОБЕРТ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ	
«Я сегодня до зари встану...»	90
ЛЕВ СМИРНОВ	
Баллада о солдате	91
ВЛАДИМИР СОКОЛОВ	
Памяти товарища	92
ДМИТРИЙ СУХАРЕВ	
Сорок два	92
ЕВГЕНИЙ ХРАМОВ	
Родина	93
ОЛЕГ ШЕСТИНСКИЙ	
Друзьям, погибшим на Ладого	94

В ПЯТИДЕСЯТЫХ РОЖДЕНЫ

АЛЕКСАНДР БОБРОВ	
Рубеж	94
Три брата	95
АНАТОЛИЙ БОГДАНОВИЧ	
Краденая земля	95
АЛЕКСАНДР ВАСЮТКОВ	
Фронтовик	96
ВИКТОР ВЕРСТАКОВ	
«Взял свой мешок заплечный...»	96
ВЛАДИМИР ДВОРЯНСКОВ	
«Не дымятся дали...»	97
НИКОЛАЙ ДМИТРИЕВ	
«В пятидесятых рождены...»	97
«Тихо кружится звездная сфера...»	97
«Умер дед без болезней и муки...»	97
Зоя	98
ВЛАДИМИР ЕМЕЛЬЯНОВ	
«Что про деда мне известно?...»	98
ГЕОРГИЙ ЗАЙЦЕВ	
«Пройдя солдатами полмира...»	98
ГЕННАДИЙ КРАСНИКОВ	
«Без вас будет пусто на свете...»	99
«В ночи осенней с грустью звездочета...»	99
НИНА КРАСНОВА	
Участники войны	100
АЛЕКСАНДР МАКАРОВ	
Воспоминание	100
ВИКТОР НИКОЛЕНКО	
«Вы своих не увидели книг...»	101
КОНСТАНТИН РЯБЕНЬКИЙ	
Орден Красной Звезды	101
ВЛАДИМИР УРУСОВ	
«Война меня преследует повсюду...»	102
«Знаменательным датам...»	102
ВЛАДИМИР ЯКОВЛЕВ	
«Я помню...»	102

Р 2
Л65

Составитель *Н. К. Старшинов*

Л65 **Лицом к Победе: Сборник стихотворений/Сост. Н. К. Старшинов; Худож. А. Сергеев.— М.: Современник, 1985.— 110 с.— (Отрочество. Серия книг для подростков).**

В пер.: 45 к.

В сборник вошли лучшие стихотворения о Великой Отечественной войне А. Твардовского, Н. Майорова, Н. Тихонова, С. Наровчатова, М. Исаковского, С. Гудзенко и других советских поэтов. В книге представлены произведения писателей, погибших на войне, а также молодых, которые родились уже в мирное время.

Л 4803010102—318 314—85
М106(03)—85

ББК 84 Р7
Р2

© Составление, оформление, издательство «Современник», 1985.

Лицом к победе
СБОРНИК СТИХОТВОРЕНИЙ

Редактор

И. ПЛАХОТНИКОВА

Художественный редактор

Г. САЛЕНКОВ

Технический редактор

В. КОТОВА

Корректор

В. ДРОБЫШЕВА

ИБ № 4346

Сдано в набор 25.04.85. Подписано к печати 22.08.85. А13534. Формат 70×100/16.
Гарнитура литер. Печать офсет. Бумага офсетная № 2 кн.-журн. Усл. печ. л. 9,1.
Усл. кр.-отт. 18,53. Уч.-изд. л. 9,74. Тираж 500000 экз. Заказ № 359. Цена 45 коп.

Издательство «Современник» Государственного комитета РСФСР по делам изда-
тельств, полиграфии и книжной торговли и Союза писателей РСФСР. 123007,
Москва, Хорошевское шоссе, 62.

Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской ли-
тературы им. 50-летия СССР Росглаволиграфпрома Госкомиздата РСФСР. 170040,
Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

45 коп.

ОТРОЧЕСТВО
СЕРИЯ КНИГ
ДЛЯ
ПОДРОСТКОВ

Юный читатель!

В серии «Отрочество» вскоре выйдет повесть «Испытательный срок» известного советского писателя Павла Филипповича Нилина о сложной работе сотрудников уголовного розыска в первые годы Советской власти.

«Современник»